

ЮРИЙ ТЕРНОВСКИЙ

Скрытая реальность

КНИГА ПЕРВАЯ. ЩЕЛКУНЧИК

Юрий Терновский

**Скрытая реальность.
Книга первая. Щелкунчик**

«Издательские решения»

Терновский Ю.

Скрытая реальность. Книга первая. Щелкунчик /
Ю. Терновский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963986-8

Убийство главы Холмогорска, прилет в Москву миллиардерши, ночное ДТП, забытый в такси криминальный роман из жизни в 90-х и парочка отпускников, вылетающая на Канары... Ничем не связанные, вроде бы, между собой события и люди, а между тем всем и всему отведено уже свое место в той жуткой игре, в которой они уже участвуют. Подкинута и подсказка в виде книжки, в которой наперед описано все, что ждет участников. Задача — выжить. Но кому-то все равно придется умереть.

ISBN 978-5-44-963986-8

© Терновский Ю.
© Издательские решения

Содержание

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО	6
Знать бы, где упасть...	6
1	10
2	16
3	27
4	38
5	42
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Скрытая реальность Книга первая. Щелкунчик

Юрий Терновский

Иллюстратор DCist

© Юрий Терновский, 2019

© DCist, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3986-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-3987-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

*Вокруг терновника вприпрыжку
Зверька гоняли ребяташки...*

Знать бы, где упасть...

Огни последнего вагона скрылись в темноте тоннеля. Привычно обнулилось табло сверху, начав очередной отсчет времени до прибытия следующего состава. Сонное утро, Москва, глубина погружения – две тысячи пятнадцать движущихся ступенек эскалатора ниже уровня жизни, тусклая станция подземки на нулевой отметке, блестящий нос собаки и слабая надежда на счастье у кого-то еще; черный полицейский в вечной пустоте своего сканирующего взгляда и серая станционная смотрительница посреди всего этого вращения. Бесконечный топот ног в тусклом свете перрона, блестящие рельсы и кривые колеса. Спешка. Проблемы, вагоны и предупреждающий свист прибывающего состава. На перроне толпа привычно скользящих отсутствующими взглядами по мелькающим окнам тормозящих вагонов с размазанными в них лицами прибывающих, находящихся как всегда где угодно, но только не в точке своего вынужденного пребывания. Одни уже приехали, другие уезжают, паря в своих мыслях, цепляясь за прошлое и теряясь в настоящем в бесконечной погоне под стук колес за недостижимым будущим, в бесконечной надежде, что самое лучшее еще впереди. Наивные... Состав останавливается, двери с шумом открываются, привычно выпуская одних и тут же запуская других, на все про все не более 15 секунд, кто не успел, тот опоздал. Опоздал на секунду здесь, не успел там и в результате отстал уже везде. И кому ты тогда нужен – отставший! Поэтому большинство и стараются проскочить на моргающий зеленый, не замечая, что давно и успешно уже прут на красный. Осторожно, *двери закрываются*. Автоматика – это удобно, особенно, когда приходится уплотняться по максимуму, она-то и спасает от опозданий, захлопываясь за спинами самых спешащих. Ух, поехали...

Заметно упитанный майор полиции в серо-синем камуфляже устроился более чем удобно, что даже храпел, посапывая, развалившись на всю скамейку, что всеми остальными вертикальными обитателями вагонного пространства воспринималось вполне естественно и с полным пониманием. Нельзя простому смертному так ездить, такой вот наглости действительно никто бы не понял, всем остальным можно. Лишь бы не было войны. И пусть снится служивому только солнечный круг и ромашки вокруг, а не какой-нибудь очередной «глухарь» из боевых будней или очередной вызов на ковер за нераскрытое преступление, что еще хуже. Будить нельзя, чтобы палить не начал, со сна всякое бывает. Никогда не тревожьте спящего бульдога. Проснется не в той реальности с перепоя и несколько трупов в утреннюю сводку уже обеспечено. И еще никогда не изучайте искажения своих попутчиков в черных стеклах покачивающихся вагонов. Отражения обманчивы, последствия непредсказуемы...

- В цирк не ходи, – зло рассмеялась девица в черном, – клоуны сами везде бродят.
- Зачем вы так? – вздохнула сочувственно молодящаяся красотка из презрелых за сорок. – Человек с работы...
- Не тронь, не будет и вонять твой человек, – заметил потрепанный жизнью усач в поношенной куртке на тельняшку. – Ты еще одеяльцем его укрой и сама под бочек.
- Ну зачем вы так, – обиделась женщина. – Он же вам ничего плохого не сделал.

– Во-во, – кивнул усач, – нам никто ничего плохого не делает, только живем все хуже и хуже, пока такие вот как баре в метро почивать изволят.

– Сфоткать мерзавца и в сеть! – последовало предложение от солидного лысого гражданина с портфелем под мышкой. – Разлегся, понимаешь, а у меня спина больная, это как понимать?

– А ты его это, – усмехнулся усач, – столкни на пол, глядишь, спина-то и пройдет.

– Охота было челюсть ломать, – ответил благоразумно гражданин с портфелем.

Еще пару фраз и тема с майором затухла сама собой. Черноволосая ушла в наушники, усач стал протискиваться к выходу, неуклюже свалив дамочку на спящего, а лысому гражданину таки кто-то уступил все же место, лишь бы только не нудил всем по ушам своими болячками. Майор спал, блаженно похрапывая под стук квадратных колес. И снился ему сон, как он кружил на вертолете над полыхающим домом, невдалеке от которого дымился завалившийся легкомоторный самолет, горел в кювете, перевернувшись вверх колесами джип, а на гравийной дороге какие-то вооруженные люди выясняли между собой, судя по всему, далеко не простые отношения. Каталась пивная бутылка по полу, стучали колеса по стыкам, с каждой минутой приближая вагон к тому раковому, за которым... Покачивались сонные пассажиры, закрыв и тему с майором. Нет правды на земле, но правды нет и ниже. Пил горячий чай где-то в депо электрик, *намертво* прикрутивший этот проклятый стык к приближающемуся составу тонкой проволокой.

Она ему нравилась. И нравилась вот уже целых три остановки. Нет, не раскачивающая реальность бутылка, катающаяся по полу, а та красивая незнакомка из отражения в стекле, которую он украдкой рассматривал, боясь, как бы отражение случайно этого не заметило. В метро это вполне естественно – изучать украдкой кого-нибудь в отражении, пока все прочие отражения в это время будут в наглую изучать уже тебя самого. Вот и это *отражение* давно уже заметило, что стало объектом наблюдения, но отнеслось к этому вполне спокойно. На обиженных возят, на красивых засматриваются. И не только в метро, где как она думала, время подобных знакомств именно для нее давно уже прошло. Сделав однажды вывод, что даже во времена пробок нормальные мужики в метро не ездят не при каких обстоятельствах, она закрыла для себя этот вопрос раз и навсегда. Но только не сегодня... Брюнетка вдруг поймала себя на мысли, что ей этот тип в стекле даже нравится. И как раз по всем внешним данным подходит под того, кого она так долго искала. Весь такой ухоженный в костюмчике и белой сорочке, хоть и без галстука. Недостаток, который она тут же ему простила, есть типы, просто не терпящие подобных удавок, может быть, и этот как раз из этих. Свободолюбивый... Тем будет интереснее его заарканить. У каждой в мечтах есть свой принц или демон, это уж как повезет. С женщинами иногда такое случается, что вот так, почти с первого взгляда, они берут и находят того, кого никогда и не теряли! И, черт, как же она уже любила свою эту находку, этого ухоженного незнакомца из соседнего вагона, эту почти что уже свою визуальную абстракцию из потустороннего зазеркалья, всеми фибрами своей души, до последней клеточки своего израненного жизнью тела, до вспышки молнии в глазах, до взрыва обреченной звезды во вселенной, до разлетающихся в разные стороны осколков своего собственного сознания. Любила, обожала и ненавидела одновременно! Ненавидела как свое далекое прошлое, любила как почти уже свое состоявшееся настоящее и обожала – как только еще намечающееся их совместное будущее. То самое будущее, которого у нее с этим ухоженным типом из соседнего вагона уж точно никогда не будет. Сегодня даже молодежь уже не знакомиться в метро, что уж говорить о людях более среднего и вовсе старшего возраста. А этот и вовсе был уже седым Клуни, обожающим ускользающий кофе, скорее всего, отцом семейства и все такое прочее, что никаких действий в ее направлении с его стороны не предполагало в принципе. И даже при таких мыслях женщины за тридцать, ей вдруг так захотелось, чтобы этот... с другой стороны

стекла уже на следующей остановке оказался в ее вагоне и предложил познакомиться, что даже в глазах потемнело. И пусть это случится в метро. Прямо здесь и сейчас! Сегодня она была уже готова изменить своим принципам, чтобы уже этой ночью оказаться в его постели, отдаться и получить все то, чего была лишена все эти долгие годы своих ожиданий и поисков. К чему стремятся все женщины? К миру, любви и согласию в доме, которым она так еще и не обзавелась, да и в ближайшем будущем, если честно, обзавестись уже и не надеялась. Так и жила, точнее, существовала, теряя дни в надежде на светлое будущее, избавляясь постоянно от своего темного прошлого, так и не научившись жить в своем сереньком настоящем. Брюнетка скептически чему-то внутри себя усмехнулась, ясно понимая, что именно это ей труднее всего и дается – пребывать в своем этом убогом настоящем.

«Кто рано встает, тому Бог дает», – вспомнила она несчастную поговорку всех обреченных на пробуждение по звонку и тут же позавидовала всем остающимся в этот ранний час еще в постелях. И таких счастливчиков на земле сколько угодно, но только вот именно она почему-то не в их числе. Не утешало и то, что и все покачивающиеся в сонном вагоне тоже были не из их числа, стремиться ведь нужно к лучшему, а не цепляться за худшее. Взял бы и подошел, думала она о незнакомце с внешностью потрепанной кинозвезды очень взрослого возраста из соседнего вагона, чем в отражение грязного стекла таращиться. С самыми банальными в мире словами подошел бы и спросил: «Скажите, а мы разве раньше с вами нигде не встречались?» И она бы ему ответила, что... Да, собственно, и не важно, что она ему бы ответила, просто взяла бы и покачала отрицательно ему в ответ головой с загадочной улыбкой Джоконды, вот и все. Вот и все, если все еще могла улыбаться. И только после этого уже послала этого приставалу к черту! Ведь с мужчинами все давно уже покончено. Покончено раз и навсегда! Мужчина – сам по себе уже сдвиг от рождения, а если он еще и краше обезьяны, то и вовсе держись.

Он смотрел не нее, она на него, иногда их взгляды встречались, но тут же, словно отразившись друг от друга, разлетались в разные стороны. Она тут же начинала рассматривать свое отражение в черном окне вагона, а он старательно изучать схему движения поездов в метрополитене, пытаясь сосредоточиться на маршруте. Через некоторое время все повторялось сначала и их взгляды снова встречались. Время шло, остановки мелькали одна за другой, люди входили и выходили, а в жизни этих двоих так ничего больше и не происходило. Она все ждала, что он наконец-то предпримет хотя бы слабую попытку к своему неудачному знакомству, а он все набирался смелости эту самую попытку предпринять. Так и доехала, улыбнувшись самой себе в грязном отражении стекла и своему этому маленькому «любовному» приключению, дождалась открытия дверей и вышла. А тип в это время провожал ее взглядом и даже попытался сделать пару шагов следом, пока дверь еще не закрылась, но в самый последний момент, когда оставалось сделать, может быть, самый важный шаг в своей жизни, вдруг застыл на месте как вкопанный, так и не решившись преступить к решительным действиям. Зачем, когда и так все хорошо, тем более что и остановка все равно была не его. Так и уехал с насмешливым взглядом незнакомки с перрона, которым та его все же одарила, оправдывая свою нерешительность всем чем угодно, но только не трусостью. Или он вышел, а она осталась, что ничего не изменило в их *отражениях*, от перемены мест слагаемых ведь отношения не меняются. Или только собрался выходить...

И небо на улице тоже встретило его не самым лучшим образом – хмурым ненастьем и серостью. Москва не радовала, у него с самого утра все сегодня не заладилось. Забыл дома ключи от машины, но возвращаться не стал, так и оказался в метро. Споткнулся на ступеньке при спуске в подземку, не упал, но коленку ушиб. Спешащий куда-то по своим делам верзила толкнул его так, что он чуть не оказался на рельсах. С кем не бывает, не свалился же. И в сосед-

нем вагоне лицо той, от взгляда которой только мурашки по коже и даже внутренний холодок по всему телу. День только еще начинался не самым удачным утром, а ему уже хотелось домой, забраться в постель под теплое одеяло, зарыться лицом в подушку и никого больше сегодня не видеть и не слышать. От всего того, с чем ему пришлось столкнуться сегодня в час-пик в метро, которым не пользовался уже несколько лет, можно и не в такую депрессию впасть. И даже работа не спасла, которая давно уже заменяла ему все радости жизни, забирающая всего без остатка. В первую очередь – дело, и только потом уже все остальное. Вспомнилась вдруг неизвестно откуда взявшаяся в вагоне бабочка с большими темно-синими, почти черными крыльями, пролетевшая над сонными головами раскачивающихся из стороны в сторону в такт движущемуся вагону пассажиров, впорхнувшая в вагон на последней остановке перед тем, самым последним кровавым перегонном. И это в середине зимы! На работу в этот день он так и не попал, уж так *сложилось*. И уже дома, куда вернулся затемно, он до двух ночи еще старательно выводил портрет той... из подземки. Вышла какая-то странная серая личность с большими печальными глазами, изначально голая, которую он все же приодел, зима на улице. Взглянул в черное окно и самому стало холодно. Представил себе голую нимфу на морозе, покрытую гусиной кожей и поежился, не понимая, чего к нему привязалась эта подземная попутчица из метро. Не только ведь для того, чтобы замерзнуть на морозе. Нарядил ее в обтягивающую черную юбку, а затем зарисовал ей и груди с замерзшими сосочками, плотно стянув их облегающей светлой тканью, перекинув еще дополнительно и петлю через шею в виде лямки, пропустив один ее конец прямо между стянутых и почти что уже незаметных выпуклостей, а второй отправив зачем-то под мышку. Ему немного не понравилась поза со крещенными на животе руками в черных по самый локоть перчатках, но перерисовывать уже не стал. Прическа тоже вышла не такая, как у оригинала, вместо конского хвоста вышел творческий бардак на голове у красавицы. Хотел «подстричь», но передумал, придет время, она сама подстрижется. А вот лицо удалось, особенно глаза своей печалью и тяжестью, хотя и рассматривал он их всего лишь в отражении. И именно из-за них, из-за этих глаз от всего рисунка и веяло какой-то неизбежностью и обреченностью, чего в реале он вовсе и не почувствовал. Карандаш сам передал подсознательное отторжение? Может и так, однако переделывать он ничего не стал, чтобы придать портрету чуть больше оптимизма, да и зачем, второй встречи не будет. Лишь несколькими легкими штрихами он подрисовал незнакомке почти воздушные крылышки очаровательного цветочного создания, пролетевшего по вагону и исчезнувшего в небытие. Затем, что-то вспомнив, открыл нижний ящик письменного стола и, порывшись немного в бумагах, извлек из него еще один карандашный рисунок, нарисованный им много-много лет назад и сохранившийся только каким-то чудом, положил его на стол рядом с первым и внимательно взгляделся в два портрета. Удивительное дело, но если откинуть некоторые погрешности во взглядах этих двух лиц и прочие неточности в бижутерии и одежде, то с двух совершенно разных рисунков на него смотрело одно и то же холодное лицо той, которой по его же собственным представлениям давно уже не должно было быть в живых.

Из официального отчета комиссии: «...стрелочный механизм в нарушение всех норм был зафиксирован тонкой проволокой, не выдержавшей нагрузки, что и повлекло сходжение состава с рельсов, смерть 21 и травмирование более 150 пассажиров».

Огни последнего вагона скрылись в темноте тоннеля. Привычно обнулилось табло сверху, начав отсчет остановившегося уже для некоторых времени. Он видел ее, она – его, их отражения стерлось в метро.

1

Предпоследний день минувшего уже лета выдался на удивление жарким, температура зашкаливала так, что не только термометры плавились, но даже отказывали движки у самолетов, может, именно поэтому и вылет на сказочный остров Тенерифе в далеком океане откладывался уже раз третий или пятый и снова на неопределенное время. Первый раз отложили на час, второй – уже на два, а в последний раз и вовсе на неопределенное время. У воздушных перевозчиков иногда так бывает, что им хоть трава не расти, вот вылеты и задерживаются на неопределенное время, пока та не вырастет. Смешно конечно, но не до такой степени, чтобы зависать в залах ожидания часами, а то и сутками, стойко перенося все тяготы и лишения затянувшегося ожидания. Терпеливый пассажир, упитанного вида дядечка с седенькими завиточками над ушами промокнул себе салфеткой мокрую лысину и постарался отнестись к вынужденной задержке рейса тоже с полным пониманием. Без самолета ведь все равно не улетишь, а поэтому надо набраться терпения и ждать. И толстячок терпеливо ждал, уверенный уже на все сто, что вообще никуда не полетит, просто его терпения уже не хватит, чтобы дождаться конца всего этого безобразия. Ох и задаст же он тому, кто во все это его втянул, обещал же все быстро и просто, а вышло... И черт с ним с этим вылетом, продолжал накручивать себя он. Но почему во всем аэропорту именно сегодня еще и центральные кондиционеры отказали, этого толстяк никак себе объяснить не мог. Такие бабки гребут, могли бы уже и постараться, чтобы хоть вынужденное ожидание оформить с комфортом. Всем плевать! Нелетная погода, неполадки летного состава, прочие гадости бытия – все это от недовольного пассажира точно не зависело, а поэтому и накручивать себя смысла не было никакого. Толстячок с блестящей лысиной снова промокнул себе лобик салфеткой и сделал еще один глоточек тепленькой водички из пластика. Сволочи! Терпеть подобное и за свои же собственные бабки! А с другой стороны, пусть уж перевозчики лучше устраняют все свои неполадки внизу, утешал он себя, стойко потев, чем вниз потом пикировать со всеми этими неполадками сверху. Кстати о птичках, самая крупная авиакатастрофа в истории авиации именно на этом острове и произошла, куда томящийся в ожидании и собиравшийся лететь, вытирая не только уже свою лысину, но все чаще и чаще прикладывая руку к сердцу. Прямо на взлетной полосе лоб в лоб столкнулись два «Боинга». Один взлетал, другой садился, поэтому в подробности лучше не вдаваться, особенно тем, кто только еще на это самый остров собиравшийся. Не стоило щекотать себе нервы негативом перед взлетом. Канары, птички, шикарный вулкан и океан, окружающий это райское место со всех сторон, впереди всех ждало все только самое замечательное!

А как все же здорово было бы уже оказаться в том раю, минуя промежуточную стадию путешествия, и уже заселиться в отель с видом на бескрайнюю воду и величественные пальмы, усестись в уютное плетеное кресло на тенистой террасе и предаться в отличном настроении отпускному безделью, с бокалом игристого вина в одной руке и планами на блаженное будущее в другой. Планами на самый первый вечер отпускного безделья, который обязательно должен был бы закончиться в каком-нибудь уютном прибрежном ресторанчике с отличной кухней и убаюкивающей атмосферой; взглядом любимой, с которым вообще ничто в этом свете не сравнится и дивной ночью предстоящего блаженства. Вот такие «крамольные» мысли витали в голове еще одного из ожидающих пассажиров данного рейса, всего седого на голову и тоже вполне солидного возраста, до осуществления которых оставался всего ничего – перелет через Европу, Африку и океан, ведь они спокойно могли уже подлетать ко всему этому великолепию, а вместо этого все еще продолжали потеть в этом дурацком аэропорту. Но куда же в современных реалиях без *всего этого* разнообразия современного бытия. Чем хуже – тем лучше! И тем приятнее будет момент истины, успокаивал он себя, когда они наконец-то добе-

рутся до пункта назначения. И фиг с ним, с этим рестораном и его дивной музыкой, которой насладиться они еще успеют, для начала отличного отпуска будет достаточно и номера в отеле с одной кроватью на двоих! Которую, вот уж радость подвалила, в данный момент ему с успехом заменяло влажное от потной задницы пластиковое сиденье в зале ожидания аэровокзала, а вожделенный экран телевизора в номере – огромное электронное табло, с расписанием рейсов, с которого он уже несколько часов не сводил своего взгляда. И еще вся эта муравьиная суэта аэропорта вокруг, неизбежно сопровождающая путешественника в крайних точках своего путешествия, не прибавляющая блаженства, но куда же без этого. Было бы желание путешествовать, а неудобствами вас обеспечат, уж будьте спокойны, предоставив взамен своевременного вылета великолепную возможность сколь угодно долго любоваться через витринные стекла панорамой всевозможных самолетных фюзеляжей, крыльев и огромных хвостов. Замечательное зрелище, только не для ожидающих. Огромный «Боинг-737» вот уже который час пылился в своем вынужденном бездействии среди своих крылатых собратьев, даже и не думая еще подруливать к посадочному рукаву, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к вынужденной задержке. Чего совершенно нельзя было сказать об измотанных летней жарой его потенциальных попутчиках, нервно снующих по зданию аэровокзала и то и дело сверяющих показания своих дорогих и не очень ходиков с положением светила над горизонтом в слабой надежде, что оно, это чертово светило, когда-нибудь зайдет, жара спадет и наконец наступит вечер со своей неизбежной прохладой и свежим ветерком. Утопизм конечно, но хоть какое-то моральное облегчение в подтверждение того, что на свете все и всегда делается к лучшему.

С такими мыслями седой и покинул стеклянную душегубку, вышел на улицу и устроился прямо на траве в тени раскидистого клена, чудом сохранившегося после реконструкции не только самого здания аэровокзала, но и всей прилегающей к нему территории. Раньше все здесь было по-другому, вспомнил он. В том смысле, что само здание было проще и меньше, а зелени вокруг было больше и гуще. Да и сами люди были тогда тоже другими, если верить своим же собственным воспоминаниям. Добрее что ли, в отличие от нынешних, замкнутых исключительно только на своих постоянных проблемах и чужом благополучии. Когда только в отпуске наступало долгожданное просветление, хотя бы отдаленно напоминающее безоблачное пребывание в саду тех двух идиотов из райского сада, так безрассудно променявших все радости вечного бытия на убогие возможности непонятного совместного сосуществования.

Не исключением был и этот седовласый из зала ожидания, которому сегодня вообще было все до перегоревшей лампочки в подвале его арендованного гаража, снятого специально под новую, приобретенную на днях, дорогую машину, оставленную на охраняемой стоянке возле дома. Почти шесть миллионов отвалил, пришлось даже брать кредит, чтобы его любимая ни в чем себе не отказывала, не до лампочек. Когда самому уже солидно под пятьдесят, а ей всего лишь где-то чуть больше за тридцать, то надо стараться. Красивой женщине нужна и шикарная оправа, какую он и хотел ей в отпуске подарить вместе с бриллиантовым колечком и предложением руки и сердца. Так стоило ли расстраиваться из-за какой-то там задержки рейса, когда впереди его ждало действительно райское наслаждение. Часом раньше ли, тремя часами позже, но в любом случае следующий восход солнца они встретят уже на сказочном берегу океана, а там хоть трава не расти, но две недели безделья, заслуженных упорным трудом, им обеспечены. Три года без отпуска – это же как надо было любить свою работу и не любить самого себя, чтобы так над собой измываться, но теперь все, теперь он оторвется по полной программе: океан, брызги, райские острова и тепло, солнце, пальмы и *вааще...*

Отпускник сладко улыбался своим мыслям, закинув руки за голову и спокойно созерцающая редкие облачка, проплывающие над ним. Чистое небо отражалось в его голубых глазах, выражение которых как нельзя лучше подкреплялось его мечтательной улыбкой. И в отличие от других пассажиров с затянувшегося рейса, он вовсе не был расстроен случившейся задержкой. *Всему свое время!* И в каком-то смысле он был даже рад тому обстоятельству, что вылет

задержался, случись все иначе, так плакали его денежки – улетевший самолет ведь уже не догонишь. И это было на сегодня самым лучшим подарком, какой только могла ему преподнести жизнь, и не только ему, кстати, но и его очаровательной спутнице, с которой он летел в отпуск. В природе, в прочем, как и в жизни, все взаимосвязано, и если одним в данный момент было плохо, имеются в виду все изнывающие от ожидания пассажиры данного рейса, то другим, напротив, очень даже было хорошо. Чуть не сорвавшийся в самом начале отпуск, решил похвастаться новой тачкой и отвезти на ней любимую в аэропорт, но не нашел дома куда-то завалившихся ключей зажигания и в результате чуть не опоздал на рейс, все еще по-прежнему раскрывал ему свои манящие объятия, манил своей неизвестностью и приглашал в путешествие. Вот только жажда мучила, а спасительного напитка все не появлялось и не появлялось, за которым отправилась его любимая, которая вскоре и появилась. Коротко-стриженной брюнетки с серо-зелеными глазами приблизилась к нему легкой походкой кошки и уютно пристроилась рядом.

– Представляешь, еле нашла холодное! От жары все холодильники накрылись у продавцов, – стала оправдываться подстриженная под мальчишку женщина, протягивая изнывающему от жажды банку пива, – но нашла. Ты меня ценишь, вспотевшее чудовище?

– Очень, – кивнул мужчина. – Бог услышал меня и послал мне ангела в образе сногшибательной чертовки, которая как ушла, так и с концами.

– Смотрела, как покойника вывозили, – ответила она, усмехаясь. – Лысенкий толстячок такой весь из себя покойник, тоже ведь куда-то летел, бедняга. Смерть перед взлетом хуже черной кошки. Черная перебежала и убежала, а смерть уж если вцепилась...

– В Испании черная кошка к добру. Мы туда и летим.

– Сердечный приступ и все такое, любовница расстроилась очень. А почему ты ничего не говоришь про мою новую прическу? – тряхнула брюнетка подстриженной челкой, меняя тему разговора. – Я тебя не очень шокировала? Этой мой тебе сюрприз к дню рождения. Подарок позже...

– Ты мой самый лучший подарок. Добре, что хоть в блондинку не перекрасилась. Тебе идет быть мальчишкой.

– Достали лохмы, – улыбнулась красавица, – особенно в жару. Короткий боб, неделю фасон выбирала, чтобы тебе угодить. Нравится?

– Очень, – привлек он ее к себе, – Особенно твоя бабочка на шее, которую под длинными волосами было не видно.

– Я специально ее никому не показывала.

– И почему вдруг?

– Пусть полетает, – хмыкнула брюнетка. – Дух звезд и трепетание огня, вот что такое моя бабочка! Символ перерождения и бессмертия, трансформация, ведущая к новому жизненному этапу. Как бабочка появляется из куколки, символизирующей смерть, так и я выбралась из объятий смерти, чтобы заново воссоединиться со своей душой, свободной вообще от каких бы то ни было ограничений, которыми так напичкан весь этот мир.

– Шикарная...

– Бабочка?

– Ты конечно, – привлек он ее к себе, целуя в щеку. – Кстати о птичках, у этой татуировки есть и еще один смысл, про который ты просто не могла не знать.

– Какой? – тут же попала на удочку любопытная. – Татуировщик мне только про это рассказал, потому и выбрала.

– Что это символ легкой доступности без всяких обязательств, – улыбнулся он.

Женщина сердито хмыкнула и отвернулась.

– Другими словами, – сморщилась она, – то же самое, что и клеймо лилии на плече Миледи? Ну, черт, спасибо, уважил. И как тебе с проституткой в отпуск лететь? Денег хватит? Я беру дорого, обслуживаю наспех...

– Прости, – буркнул мужчина, понимая, что сморозил глупость. – Просто я не очень люблю татуировки, вот и ляпнул. Не знаю, как от своей избавиться, – ткнул он пальцем в выколотый еще в училище символ «морковной авиации» на предплечье.

– А ты выжги, – предложила зло она, – раскаленным железом. Слабо? Только огонь стирает все следы, не ветер и не дождь. Ветер может стереть следы на песке, вода смыть следы на асфальте, телу же нужен огонь для очищения, – немного подумала и добавила: – Может, именно поэтому все крематорием и заканчивают, чтобы одним махом избавиться от всех своих грехов?

– Вообще-то я безгрешен, – усмехнулся он, – и боли боюсь, мне это очищение явно не подходит.

– А я свое отбоялась, Вадим Сергеевич.

– Кир, ну прости, – взмолился он, принякая губами к ее татуировке – ляпнул, не подумав. Солнце в голову ударило, вот мозги и поплыли.

– Прошу, – кивнула она, – после того, как выжжешь. Тебя за язык никто не тянул, надо отвечать за свои поступки.

– Ты серьезно? – взглянул он на строптивую.

– Вполне для того, чтобы прямо сейчас и разбежаться, – хитро прищурилась она, следя сквозь накрашенные ресницы за его реакцией.

Мужчина побледнел, явно не готовый к такому повороту событий, еще минуту назад все было хорошо и вот на тебе, разбежаться из-за такой ерунды. Конечно же, он согласился, терпел, когда делали наколку, потерпит, когда будут и сводить.

– Испугался? – тут же чуть заметно улыбнулась она, довольная, что отыгралась. – Я пошутила, не надо ничего сводить, мне твои самолетики нравятся, особенно толстая морковка посередине. А ты теперь расскажи, что нравится во мне тебе, исключая путанскую подноготную? Даю еще одну попытку.

Надо заметить, что улыбаться эта женщина вообще не умела, о чем уже упоминалось, то есть не могла физически после одной страшной аварии, как она сама рассказала своему возлюбленному, в которой чуть выжила. Поэтому и ее эта улыбка, больше смахивающая на ухмылку, могла быть им расценена, как знак наивысшего к нему снисхождения. Собственно, именно так он эту ее ухмылку и расценил, не особенно напрягаясь.

– Ты стала похожа на юного сорванца с этой прической, – произнес он осторожно, взвешивая уже каждое слово, чтобы и комплимент сделать и не обидеть уж очень ранимую пташку, – такая по-мальчишески сексуальная.

– А я сорванец и есть, – подмигнула она ему, игриво скалясь на солнце. Перемена была так разительна, что трудно было даже представить себе, что еще недавно она готова была его растерзать в клочья и отправить в крематорий. – Послушай, а может тебе мальчишки нравятся? И я со своей стрижкой как раз в тему, а?

– Рехнулась, – он в испуге отстранился от сумасшедшей.

– Успокойся, – прильнул она к нему, – я пошутила. Это была проверка, должна же я знать, с кем мне предстоит коротать время на острове. А вдруг ты скрытый маньяк? Однако не будем откладывать на сейчас то, что получить можно уже потом... Сама не поняла, что сморозила, – усмехнулась она, – ну ты понял... Как тот лысый дядечка, которого вперед ножками.

– Ты это о чем?

– О подарке, милый, – подмигнула ему брюнетка. – Едем?

– Летим, – поправил он свою красавицу. – Кстати, ты знаешь, что острова, куда мы с тобой направляемся, с древности считались райскими, за которыми ничего уже нет?

– Без тебя знаю, что земля плоская, свалиться – раз плюнуть. Не летим, а едем, солнце мое! Вдруг наш самолетик грохнется, вот я и хочу насладиться всеми прелестями жизни еще на земле, чтобы не жалеть об этом в воздухе, когда будем падать.

– Типун тебе на язык, не каркай перед полетом.

– Десантник, блин, – рассмеялась она. – Испугался?

– От удара об землю мозгов не прибавляется, – хмыкнул он. – Просто мне много лет снятся сны, что я разбиваюсь, и один летун посоветовал вообще не летать, чтоб не искушать судьбу.

– От нас это не зависит, – произнесла она серьезно. – Мое мнение вообще, что самолет не потому падает, что у него винтик сломался, а потому, что всем пассажирам приспичило именно здесь и сейчас, ты меня понял... Поэтому лично я летать не боюсь, как некоторые. Ты можешь стоять на остановке и курить, прикидывая, где проведешь вечер, а твой пьяный убийца уже уселся за руль и даже проехал двадцать километров никого не задев, чтоб снести именно ту остановку, на которой стоишь ты с еще несколькими же такими приговоренными, у которых время уже истекло...

– Пожалеем пьянь, ага, безмозглое орудие убийства в руках всевышнего. Меняем тему, любимая, наш киллер еще не родился. Выше головы не прыгнешь, дольше своего не проживешь, согласен.

– Черт возьми, у кого сегодня день рождения, – воскликнула она, резко вскакивая, – хочешь остаться без подарка?

– Не хочу, – вздохнул мужчина.

– Тогда поехали... Планировалось, конечно, все там, – брюнетка указала красивыми глазами на небо, – но раз уж так все случилось, как случилось, тебе лишь надо проявить немножечко активности, мой герой.

И ее герой, конечно же, эту активность проявил, рискуя вообще никуда не полететь, ни на какие Канары, лишь бы только не злить свою любимую дальше, явно чем-то недовольную, хоть и пытающейся это скрыть. Покойника в аэропорту приплела зачем-то... Решил, что та просто трусит лететь, с кем не бывает. Поймали быстро беленькое такси, в аэропорту это просто, и тут же за 500 рублей пулей до ближайшего леска за пять минут и домчались.

– Почему так дорого? – спросил он, усаживаясь.

– По прейскуранту, – нехотя отозвался небритый водитель в белой, не первой свежести сорочке, – можете двадцать минут кататься, счетчик не включится.

– Круто, а курить за такие деньги можно?

Последовал короткий ответ, что нельзя и машина поехала.

– Романчики почитываете? – улыбнулась Кира, доставая из-под своей попы помятую книжку с красоткой на обложке, застывшей в объятиях скелета в костюмчике.

– Забыл кто-то, – отозвался нехотя таксист. – Сомнительное чтиво, начал читать да бросил.

– Погорел, слышишь, – улыбнулась брюнетка, – забыл кто-то... А мы вот просто обожаем сомнительное, я возьму почитаю?

– Вообще-то все находки мы обязаны сдавать. Была б моя...

– Вадик, слышал, была б его, блин, – передразнила она водителя. – Погорел, ау... Ты меня слышишь?

Погорел не слышал, стараясь представить себя уже на пляже в объятиях своей спутницы. Или хотя бы в ближайшем леске, куда, кстати, они и направлялись. Не получалось... Покойника она встретила! Сдать билеты пока не поздно и катить домой. Впрочем, поздно, вздохнул он. Деньги уже не вернут. Тьфу, он чуть и в самом деле не сплюнул, слабо пока представляя себе, как в такую жару они скоро займутся сексом.

– Тогда я ее стащу, – улыбнулась женщина, так и не дождавшись ответа своего спутника. – Вряд ли кто хватится такой мелочи, даже не вспомнит, забыл и забыл, с кем не бывает.

Таксист не ответил. Скорее всего, просто ее не услышал, увлекшись движением. Или просто дальше решил не поддерживать пустую болтовню.

– Жуть какая, – округлила глаза женщина, выхватив наобум отрывок из конца книги, – нет, что бы себя, сволочь такая, так он ее грохнул. Нет, меня такой конец точно не устраивает, я бы все поменяла. Почему это ему светлое будущее, а ей два метра подземной темноты, у нас давно уже равноправие. Погорел, ты меня слышишь? – ущипнула она его за руку. – Да очнись же ты наконец, здесь такие страхи...

– Всеми ушами, – хмыкнул он.

– Ты представляешь, – автор убил главную героиню в самом конце, а главного героя оставил процветать дальше, как тебе?

– Да никак, дорогая, пусть этот *автор* хоть их всех там поубивает, нас, к счастью, это не касается.

– Начало, кстати, более чем банальное, – заметила она, просмотрев быстренько несколько первых страничек. – Влюбленная парочка летит в отпуск, смех в зале. Мы тоже летим...

Дальше читать не стала и тихонечко сунула книжку себе в сумочку. Стащила, одним словом.

Перед АЗС машина повернула направо и спустилась под мост, миновав слева стеклянное административное здание Аэрофлота, и были на месте, на импровизированной стоянке автомобилей, бесплатно ожидающих прилетов самолетов. Чистотой, конечно, здесь и не пахло, скорее уж мочой ожидающих таксистов, но зато отсюда до ближайших березок было рядом, куда влюбленная парочка и направилась. Где мужчина и закружил между белоствольных деревьев свою любимую, правда, не так бурно, как она все это себе представляла, но все равно очень даже с любовью и замечательно. Так вместе с ней под одну замечательную березку и завалился, стаскивая в нетерпении с нее одежду. Местечко и в самом деле было классное, уже не дивный сад, но еще и не помойка. Здесь даже был свой шалашик со столиком, скамейкой и кострищем. Поэтому и пустой тары из-под спиртного хватало, утешало, что хоть в уборную полянку с замечательными березками не превратили, отливать ходили в ближайшие кустики. Ко всему, сквозь березки просматривался вдалеке замечательный стеклянный корпус отеля Шератон, придающий всему этому гадкому месту даже какой-то своеобразный намек на цивилизованность. Кстати, их даже могли видеть из этого отеля, будь там устроена смотровая площадка, но только кому они были нужны, чтобы любоваться чужим удовольствием себе на зависть, пусть даже и в морской бинокль.

2

Свирепому Ежику в этом смысле подвезло больше. Ему вообще по жизни везло больше всех некоторых, заслуживающих подобного успеха гораздо больше даже своих собственных достижений. Вот уж счастье подвалило, так подвалило, никакой оптики не надо, все в живую и почти в упор. Поэтому, проснувшись от непонятных стонов со стороны творения его собственных же рук, напоминающего больше стол, собранный из деревянных поддонов, чем все остальные приспособления человечества под свои нужды, он сначала даже пожалел, что кто-то чужой так бесцеремонно прервал его чуткий сон. Но уже скоро Ежик, давно уже забывший свое настоящее имя, вполне реально осознал, что его блаженство все еще только начинается. И если особенно костями не греметь, то можно будет тихонечко и самому под общий шумок в кулачок... насладиться чужим счастьем. Свирепый Ежик осторожно высунул из укрытия свой простуженный нос, а потом, когда убедился, что ничто ему не грозит, и вовсе всю свою грязную голову с торчащими в разные стороны спутанными волосами. Такое вот бомжу подвалило счастье неожиданно. Чтобы всем ежикам так жилось, как сейчас ему! Голая наездница так скакала, блин, так скакала на своем жеребце, что только нечеловеческая воля стороннего наблюдателя спасла ее от полной потери сознания. Вспомнилась вдруг своя *чистая жизнь*, красавица жена и последнее свое залетное дежурство, с которого его сняли по причине неумеренного употребления спиртного. Пальцы сами так и сжались в кулаки в адском напряжении, задушил бы сучку, эту лесную наездницу. Дернули же его черти вернуться тогда за той проклятой книжкой, которую уже начал читать, и на ночном дежурстве хотел продолжить, когда выпадет свободная минутка. Открыл тихонько входную дверь, прошел в коридор и заглянул тихонько в спальню. Заглянул и увидел голой свою ненаглядную, скачущую во весь опор на каком-то козле. Валялась на полу его книжка, в которой ни одним словом про эту сцену, зато сколько угодно слов про сексуальную сцену в лесу, до которой наш доктор добрался лишь спустя долгих десять лет, пролетевших как один день. А тогда его жене в постели было уже не до чтения, не до занимательного сюжета из чужой жизни, когда у самой галопом развивался свой обалденный сюжет, сносящий крышу. Понятно, что и у рогатого мужа тоже крышу снесло. Но вернемся к проклятой книжке, валяющейся на полу, в которой одна знойная парочка летела в отпуск в Рим, вот и Ежик, как прозвали его еще в детстве, тоже со своей супругой в Рим собирался. Мелочь, а приятно – сначала прочесть, а потом самому пройтись по чужим местам боевой славы, как по своим собственным. Они вдвоем ее и читали, закончив как раз на том месте, как эти летуны отправились в березовую рощу заняться сексом. Конечно же, ему не терпелось узнать продолжение, поэтому и вернулся, не истории же болезней читать всю смену. Но лучше бы не возвращался, если уж честно, может, до сегодняшнего дня так в счастливом неведении бы и дожил, чем влачить убогое существование. Так бы взял и и задушил сучку. Ежик свирепо зажмурился, содрогаясь всем телом: все как тогда и все – как сейчас, ничего в его жизни не изменилось и, пройдя уже все круги ада, он снова оказался в том же самом месте, с какого 3657 дней назад и стартовал. Легкий свет струился из спальни любимой, изменяющей ему прямо у него на глазах с его лучшим другом. Рука бомжа сама потянулась за булыжником.

Выжимай до отказа педаль газа в машине, целуй в засос изменчивых баб, бей об стены бутылки, горланьте пьяные песни под окнами спящих и посылай всех к черту, пока тебя твоя же собственная жена самого не послала еще куда дальше, в этой жизни лишь ты настоящий! Все остальное вокруг тебя – лживое и противоречивое, чуть момент прозевал и все, тебя уже нет. Свирепый Ежик зло оскалился всеми своими выбитыми и поломанными зубами. Прикрыл глаза. Проклятье, прошлое в настоящем, стоны и ахи из давно уже покинутой спальни по разорванным нервам. *Проклятые демоны*, терзая душу, сначала утащили его за собой на самое

дно его собственных же страхов, пороков и безнадёжности – туда, откуда даже при всем своем отсутствующем желании выбраться было уже не возможно, а затем... с камнем в руках двинули это животное на четвереньках вперед. К тем двоим на его территории. Вот и на его убогую улочку тоже пришел праздник. Ночная смена, очаровательная жена счастливо целует своего мужа перед работой, а уже через пятнадцать минут эта стерва в постели со его лучшим другом. Вернулся за книжкой, называется... И вот сейчас, больше десяти лет прошло, снова почти та же самая сцена перед глазами. Из чужой книжки, из своей жизни, из всего того дерьма, в котором он очутился. Утешало одно, что не только его одного сгубили демоны, Володю тоже. Хоть какая-то польза от смерти поэта, только этим Ежик и жил, слушая через наушники украденного плеера короткими днями и бесконечными ночами своего любимого собутыльника. *Истопи ты мне баньку по черному...* С ним и квасил на пару, собирая цветмет и бутылки по кустам, чем и жил, практически большую часть времени, пребывая в замутненных размышлениях о постигшем его бытие, включая и секс, как же без этого. Нет, партнерша у него была, но в прошлом году замерзла в сугробе, после чего «полюбить» хоть еще разок больше никого так и не получилось. Кончала всадница шумно, что даже случайного свидетеля, притаившегося с камнем в руке прямо у той за спиной, затрясло, будто через него ток пропустили, не говоря уж про того, кто там под ней дергался. Не говоря уж про законный камень возмездия, сжимаемый в руке мстителя. За все в этом мире надо платить, вот сейчас эта сука ему и заплатит.

Загружается водкой фура, гремит музыка в кабине грузовика, рвет в динамиках связки Владимир Семенович по-черному. Водитель, ближе к шестидесяти, чем немного за пятьдесят, просто обожает громкий звук, строит планы на будущее и прикидывает, как в выходные будет баловаться на даче шашлычками. Под водочку, естественно, какой прицеп уже скоро забьют до отказа. Хозяева груза ему уже обещали ящичек по оптовой цене, вот он и прикидывал, кого пригласить из своих друзей и родственников жены, чтобы никого не обидеть. Урчит мощный дизель под кабиной, а где-то уже даже забили кабанчика под его будущий шашлычок. Жить хорошо, особенно, когда жить хорошо еще лучше! Водитель знал толк в жизни. К его годкам волей-неволей всему уже научишься – самое время совмещать жизненный опыт с пока еще крепким здоровьем. Рейс обещал быть быстрым, дорого близкая, настроение хорошим. И все бы так, если бы не то проклятое дерево, до которого он пока еще не доехал, но которое *уже* выросло на его пути. И не только на его, надо заметить... Время оргазма одних, горьких воспоминаний с булыжником в руке другого и приятного предвкушения за рулем третьего участника всей этой пока еще не очень мутной истории. Пока еще третьего, появятся и другие участники, всему свое время, начавшегося уже раскручиваться действия: кипящих страстей, предвиденных и непредвиденных убийств, мести, предательства, загубленной дружбы, преданной любви и много другого гадкого и не очень, до чего всего они еще в обязательном порядке доберутся. Вспомним *два портрета* на одном столе, свое отражение и отражение чужого лица в вагонном окне, с таким любопытством рассматриваемое одним из героев, даже не подозревающим, что и отражение в свою очередь с таким же успехом более чем внимательно рассматривает его самого. Выруливает на трассу грузовик с водкой. И почти в то же самое время два подозрительных типа на крыше стеклянного здания в семь этажей, престижно возвышающегося как раз через поле от березовой рощи, тоже увлеченно занимаются своим делом. Наблюдатели разместились прямо на железной площадке под огромным фирменным знаком «S», привлекающим внимание своим размером, а по ночам еще и ярким розовым светом, чтобы уж точно никто из прилетевших в аэропорт гостей города мимо не проехал. Один их типов с мощным морским биноклем рассматривает бесстыдников, занимающихся в березках любовью, а другой их фотографирует зеркальной камерой с мощной оптикой и снимает на видео. Местечко проверенное, оптика надежная, так что и фильмец тоже должен был выйти замечательным, со всеми пикантными во всех интимных деталях подробностях.

– Во, блин, наяривают! – скалился довольно один из снимавших.

– Да-а, – потирал в удовольствие руки другой. – Так ее... Или его, не понял, говорили, что будет мужик с бабой, а здесь чертовы педики?

– Тебя это трогает? Нам бабки платят за съемку, – усмехнулся человек с биноклем, – вот и снимай.

Фотограф не ответил, удивленно рассматривая в объектив еще одно действующее лицо, подкрадывающееся с кирпичом к знойной парочке. А вот снимать убийство он совсем не подписывался, здесь уже совсем другой ценник, кое-кому придется раскошелиться. Однако никакого убийства не произошло, что и порадовало сторонних наблюдателей с крыши, смерть – всегда гадко и хорошо, когда она от всех все же подальше. И ничего не подозревающие голубки после блаженного удовольствия долго еще валялись голыми в тени деревьев, прикрывшись одеждой только сверху и любясь сквозь березовые листочки редкими, проплывающими над ними кучерявыми облаками-барашками. Мечтая о море-океане... А все потому, что бомж проморгал нужный момент и не успел вовремя занести свой смертельный камень над приговоренной уже головой негодницы, чтобы одним ударом сразу и поставить во всей этой истории жирную точку. Не вышло, даже запятой не получилось поставить, чтоб продолжить. Стриженная дрянь, сраженная оргазмом, завалилась в изнеможении на своего мастера чуть раньше, чем намеревался опуститься молот возмездия на ее голову, что и спасло последнюю от неминуемой гибели. Нужный момент был безнадежно упущен, и смерть снова помахала ей ручкой. Воевать же сразу с двумя противниками из неудобного положения бомж вовсе не собирался, да еще с его пропитым и прокуреным организмом. Пусть другие воют, дураков нет. Трудная жизнь уже приучила этого лесного «зверька» к осторожности. Хотелось конечно отомстить и, ведомый своими демонами, он почти был уже готов нанести свой смертельный удар по ненавистой цели, как вдруг спальня, в которой он до сих пор находился в своем воображении, вдруг исчезла и мститель неожиданно оказался «лицом к лицу» с чьей-то чужой голой задницей в знакомом до боли в глазах лесу. Смех конечно, но только это комичное обстоятельство и спасло этих двоих от ужасной развязки. И еще своевременный оргазм, ради которого вселенная даже не пожалела своих звезд, чтобы они именно в этот момент сошлись в одной точке, но только где там далеко в космосе, а не на затылке почти уже приговоренной к смерти потаскухи. Тихонечко, чтобы ни кого не беспокоить, скользнул бомж незаметным ужом вниз по обрыву к куче мусора, откуда, скрываемый кустами, и затрусил в сторону Международного шоссе, чтобы уже по нему и добраться до Химок, завидуя не столько чужому космическому счастью, сколько ненавистя свое невезение и свою нерешительность. Все зло в бабах, скрипел он своими гнилыми зубами. Весь мир испохабили...

Избежавшие же смерти голубки сразу после секса принялись уютненько так ворковать и строить планы на ближайшую неделю. Правда, говорила больше она, а он только слушал и поддакивал, впитывая в себя тембр ее чудного голоса и представляя в картинках свой предстоящий *замечательный* отпуск. Неожиданно ему вспомнился весь в тине бледный утопленник на берегу одного из прудов в Кузьминках, которого он видел не так давно ранним утром, совершая пробежку. Обливаемый слезами своей подружки, труп без всякого желания пошевелиться лежал на спине, раскинув руки в стороны и «пялился» застывшим взглядом в бесконечное небо. Не прошло и двадцати минут, как бегун видел его еще живым и только еще собирающимся окунуться. Друзья не пускали, но разве пьяного удержишь. И вот теперь двое успокаивали уже подружку утопленника. Ночной пикник закончился не совсем так, как всем хотелось бы, но на все воля божья. Мужчина тут же постарался отогнать от себя это жутковатое зрелище, но себе галочку в мозгах на всякий случай поставил, что под градусом в воду лучше не соваться. В Москве столько таджиков по пьяному делу утонуло за лето, не считая всех прочих, и составлять им компанию у него не было никакого желания.

– Ты о чем думаешь? – устала она на него, заметив, что тот после полученного удовольствия ее даже уже и не слушает, летая где-то в своих облаках.

– Да так, – отмахнулся он, – что нельзя пьяным в воду.

– Тебя пьяным никто в нее и не гонит.

Почитав перед отпуском все, что можно про Тенерифе, отпускница стала щедро делиться с ним полученной информацией. Начав с местоположения острова, она перешла на его достопримечательности, которые обязательно надо было посетить и в первую очередь аттракцион с касатками, потом деревушку пиратов в ущелье, затем забраться на вулкан и конечно же побывать на пляже с настоящим песком из Сахары, много где еще... Она долго еще расписывала, где надо побывать, какой взять на прокат кабриолет и все такое-прочее, совместимое в ее понятиях с отпускной жизнью. С какой парой таких же отпускников подружиться, чтобы не скучно было, и на каком паруснике с ветерком прокатиться, чтобы все это вспоминать потом долгими зимними вечерами. Конечно же, все это под коньячок, извлеченный уже ей из сумочки, прихваченный с собой в самолет вместо успокоительного на всякий такой случай, вдруг падать придется. Тьфу-тьфу, конечно, но с кем не бывает... Дело в том, что после одного случая, когда ей пришлось лететь с одной горящей турбиной, она просто панически боялась всех этих перелетов. И хотя тогда все закончилось более чем благополучно, никто не пострадал, старалась летать как можно меньше. И всегда только с коньячком. Так бутылочку и приговорили под разговорчик. И заснула она уже на чудном описании встречи с китами, заснула на полуслове. Он же уснул и еще раньше. Киты какие-то еще, будто он не видел их по телевизору. А когда проснулись, то уже вроде как бы и стемнело. Шли на посадку один за другим воздушные лайнеры, хлопали в ладошки счастливые пассажиры по приземлению. Приземлился и очередной рейс из Америки. Блондинистая кареглазая иностранка, во всем мире не найдется больше таких, *еще одна участница* этой истории, тоже похлопала в ладошки для приличия в своем бизнес-классе, поправила прическу, поднялась с уютного кресла, взяла ноутбук, коричневый кожаный баул с мелкими вещичками и направилась к выходу. Некоторое время ушло на таможенные формальности, и вскоре она уже усаживалась в шикарное авто, которое ей так понравилось, не смотря даже на усталость после многочасового перелета, что она не смогла отказать себе в удовольствии прокатиться самой за рулем. Водитель возражать не стал, не в его это было компетенции.

– И хорошо, если бы наш лайнер и в самом деле уже улетел или взорвался прямо в аэропорту, – вдруг ни с того ни с сего заявила Кира, именно так звали всадницу из леска, когда парочка выбрали к импровизированной стоянке спящих в своих авто таксистов, чтобы ехать обратно. – Он ведь все равно разобьется. Псих окажется летчиком и направит его на скалы, как тот немец, которому очень хотелось, чтобы его запомнили идиотом. Пока один летун опустошал свой мочевой пузырь в уборной, другой уже вводил самолет в штопор.

– Спятила, – опешил ее спутник, – делать такие заявления перед взлетом! Мы не с тем немцем летим, чтобы тупо в гору. Просил же сменить тему, опять за свое?

– Не опять, а снова – заявила она, – и что? Мы все сумасшедшие, что немцы, что русские. И летчики больше всех, только сдвинутые на голову могут каждый день испытывать судьбу, летая без парашютов.

– Гагарин и с парашютом разбился, как приперло.

– Приведи в пример мне еще всех погибших истребителей мира, у кого катапульты не сработали, умник, а мне про себя надо думать, чтоб выжить в этом гребаном мире.

– Кир, успокойся.

– Сам успокаивайся! – фыркнула она. – От шизофрении по национальному признаку не страхуются, понял? Если у немцев психи рулят, то у нас и подавно. В среднем лайнер совершает два перелета в день, туда и обратно, а это два взлета и еще две посадки, а если с дозаправ-

кой в промежуточном аэропорту, то и того больше. Пилот четыре раза за день рискует жизнью, как минимум, за неделю – уже двадцать раз, за месяц – это уже сто, и за год... одна тысяча двести раз! Будучи в здравом уме, их можно считать нормальными людьми? Если и можно, то с очень и очень большой натяжкой. Ждать каждый день смерти – это нормально?

– Никто и не ждет.

– Вот некоторые, как твой свихнувшийся немец, и не выдерживают напряжения.

– К нам это не относится, – мужчина как можно мягче постарался успокоить свою любимую, – слава Богу, мы только туда и обратно, а это всего два раза. Мы даже по времени чисто физически не сможем сойти с ума, не успеем.

– Четыре, – тут же поправила она его, – это два взлета и еще две посадки, не исключая того, что нас просто могут взорвать еще и в воздухе, как тех несчастных в Египте. Отдохнули, называется...

– Хорошо, четыре, – пожал он плечами, – но не двенадцать же тысяч. Мы не в Египет летим.

– Тебе все смешки? – вдруг надулась она. – А мне сон скверный приснился и в нем все как в той книжке, только еще хуже.

– В какой еще книжке? – мужчина вообще уже ничего не понимал. – Объясни нормально?

– В той, что я у таксиста сперла. В этой книжке, кстати, одна влюбленная парочка тоже под деревом кружилась перед отпуском, пока не до смерти не закружились. И мне кажется, что мы начинаем двигаться прямехонько по их проторённому пути. У меня даже имя с главной героиней почти совпало.

– Бред, – возмутился ее спутник, – бред собачий. Даже если ваши буквы и совпали в именах, то это вовсе не означает, что ты должна отправляться на тот свет вслед за вымышленной героиней чьих-то бредовых фантазий. Знаешь, как сейчас книги пишутся и сценарии? Берется набор стандартных штампов, к примеру, сейчас у нее все хорошо или плохо, без разницы, но вскоре она обязательно должна сесть в тюрьму из-за предательства кого-нибудь из окружения. Так и случается... Или ей отшибает напрочь память и мозги – это вообще классика! Меняются имена, немного место действия, время и погнали наши городских. Всю эту белиберду закладывают в компьютер и тот выдает очередной шедевр. Поэтому все сериалы и похожи, что все из одного помойного ведра! Но ты пошла еще дальше, – подвел он черту, – ты приложила всю эту выдуманную муть к своей голове, так знаешь, куда можно уйти?

– Не знаю я ничего и знать не хочу, – ответила очень спокойно брюнетка с серо-зелеными глазами, когда они, поймав на дороге частника, ехали уже к аэропорту, – кроме того, что в истории были случаи совпадений. Не веришь? Только не заявляй мне, что совпасть в книжках может все, что угодно, но только после того, как все уже случилось. Самый яркий пример, это конечно предсказание гибели непотопляемого судна в рассказе «Титан», автора не помню, извини. Зато хорошо помню время публикации данного произведения – 1898 год. А когда утонул корабль? Даже по самым грубым подсчетам, это случилось уже в XX веке. Совпало все, начиная с названия судна, места действия, тоннажа и даже количества утопленников. Не веришь? Количество спасенных счастливыхчиков, кстати, тоже почти совпало. Но мне больше понравился другой случай, как несчастные морячки с голодухи сожрали юного Ричарда Паркера в открытом океане, когда остались на плоту после крушения яхты, плывшей из Англии в Австралию.

– Сожрали тигра?

– Да причем здесь тигр, Погорел, – скривилась она, – юнгу съели почти живьем и не подавились свои же товарищи. В реале случилось это 1884 году, а было описано Эдгаром По в «Приключениях Артура Пима», за несколько десятилетий до случившегося. Здесь даже имя совпало, писателю даже ничего выдумывать не пришлось. Четыре выживших тянули соломинки,

кого пустить на суп. Кстати, это была идея самого Паркера, которого и скушали более голодные товарищи! Давай не полетим? – взмолилась она. – Я такую дрянь увидела только что во сне...

– Что еще за новости? – нахмурился мужчина, которого все звали только по фамилии, пристально разглядывая свою спутницу, прикидывая, что может зря он ей позволил выпить столько горячительного перед взлетом.

– Да так... – уклончиво ответила она, когда уже подъезжали к аэропорту, – не бери в голову, меньше знаешь, крепче спишь. Я пошутила!

– Терминал «F», уважаемый, а вы нас в «D» везете.

– Извините...

– Можем и не лететь, сколько с нас? Двести, отлично, – достал из кармана две купюры по сотне и протянул водителю, когда доехали. – Не летим? Все лучше, чем семь часов трястись в самолете в ожидании своей смерти. В истории авиации примеров еще больше, чем в твоей литературе, когда люди отказывались от полета на основании только своих предчувствий и только поэтому оставались живы. Решено, едем домой. Хорошо, что я кроме счетов ничего не читаю, а то так бы и провел всю свою жизнь в предвкушении преждевременной смерти.

– Смертями можно и поменяться, – заявила вполне серьезно зеленоглазая. – Ты мне отдашь свою, а я тебе свою, смотришь, и перехитрим костлявую, которая обязательно должна запутаться. Но все же лучше было бы для всех, чтобы наш самолет уже улетел. Деньги все равно нам не вернут уже. Без нас улетел... Для нас с тобой – однозначно. Тогда мы точно поехали домой. И никаких денег не жалко. А пока он не улетел, все же жалко...

– Не дожدهшься, – усмехнулся почти что уже состоявшийся отпускник. – Два раза на один и тот же рейс опоздать невозможно. Мы просто обречены отпуск провести на нашем замечательном острове, где тебя ждет еще более замечательный сюрприз.

– Точно, – хихикнула нервно истеричка, – что от тебя еще можно ожидать, вся моя жизнь из твоих сюрпризов. Летим в одно место, а прилетим в другое, где полно всяких ядовитых тварей и диких обезьян. Или еще куда, где только уже одни облака и ангелы с крылышками. Ладно, не бери в голову. Я всегда нервничаю перед полетом, вдруг и у нас тоже псих за рулем окажется.

– За штурвалом, – поправил спутник свою нервную дамочку.

– Все равно... С горящей турбиной под крылом летаешь, еще и не так записхуешь, хоть все время с собой живого попа таскай, чтобы можно было вовремя исповедаться. Знаешь, милый, это знак свыше, я про книжку, чтобы мы не летели! И таксист этот странный, все меня в зеркало рассматривал, чтобы лучше запомнить, по ком потом свечку ставить.

– Уговорила, остаемся, – кивнул мужчина, – только всякую чушь не неси, пожалуйста. Рассматривал он ее, бедняга с дороги боялся сбиться.

– Я не про этого, про того... Нет уж, – сверкнула она глазами, – скорее этот остров уйдет под воду, чем я откажусь от своего отпуска из-за какой-то ерунды! Говорю же, не реагируй, я поною и перестану. Одну мою знакомую компания премировала отдыхом тоже на Канарах. Представляешь, ей завтра вылетать, а сегодня ребенок в летнем лагере заболел, температура под сорок. И не полетела! Вот поэтому я и не хочу детей, чтобы взрослым жить не мешали.

– А я хочу.

– От них все зло на этом свете. Хочет он... Можно подумать, что у тебя их нет. А от прошлой жены? Я ведь все про тебя знаю, от меня не скроешься.

– Ребенок не мой, – насупился он.

– И, тем не менее, дорогой, не темни, я же говорю, что не спрячешься. Что уставился, откуда знаю? Да успокойся ты, не слежу я за тобой. Мы же в одной конторе работаем, а там столько народу, что ничего не утаишь.

– Это не мой ребенок, сказал же...

– Да какая разница, – хихикнула она, – я к прошлому не ревную. У этой не твой, зато твой у другой. В жизни и не такое случается. Забудь, – прижалась она к нему. – Просто у меня детишек никогда не будет из-за одной сволочи, вот я их и не люблю поэтому, чтобы еще и из-за этого расстраиваться. Мужикам проще, посеял семя и жди, где взойдет; бабам хуже, им работать грядками. Уж если всходов нет, то их никогда уже и не будет. Но у меня ведь есть ты, и мне этого вполне достаточно. Ты и будешь моим выросшим ребенком, договорились? А помнишь ту фотку ребеночка, что смотрел на самолетики через стекло, как представляю, что это мог быть мой, которого какие-то твари уже приговорили, так никаких детишек не надо. Ну согласись хоть вот в этом со мной, чудовище!

Ответить «чудовище» не успело, неожиданный ночной звонок прервал их задушевную беседу, начавшуюся еще в леске и не закончившуюся еще в здании аэровокзала, где они уже даже нашли себе два свободных местечка, чтоб продолжить затянувшееся ожидание, после которого он и стал быстро собираться.

– Ты куда? – удивилась Кира его этому непонятному поведению. Только что ее уговаривал не отказываться от полета, а теперь сам никуда не летит, вот и пойми этих мужиков.

– Да так, – отмахнулся он, – я быстро. Смотаюсь в Химки и обратно, 20 минут и я тут.

– Спятил? – уставилась на сумасшедшего. – Какие Химки к чертовой бабушке, мы же улетаем, объявят посадку с минуты на минуту, а ты в пробке торчишь, мне одной в отпуск отправляться, хочешь второй раз опоздать на один и тот же рейс?

– Не переживай, любимая, какие пробки в двенадцать ночи. – Один знакомый ключи от квартиры посеял, а дубликат есть только у меня.

– Иван, что ли?

– Он, – признался нехотя Погорел. – Ну не злись, знаю, как хорошо в кавычках ты к нему относишься, но не жить же ему две недели на лестничной клетке, пока мы вернемся.

– Пусть сам сюда едет, почему именно ты должен всем рисковать?

– Я же говорю, что не может он, ключи посеял растяпа.

– От квартиры, но не от машины же, – продолжала недоумевать отпускница, рискующая остаться из-за какого-то недотепы вообще без отпуска, – а если ты снова опоздаешь, он тебе билет на самолет оплатит?

– Оплатит, не переживай, он ключи мог посеять только в одном состоянии, посеял или стащили в кабаке. Очередная шлюшка и стащила... Однажды ему уже квартиру обчистили таким образом. Посажу его на такси и отправлю домой, хорошо, что хоть дозвонился, может, человек без денег совсем, домой пока доберется, все вынесут.

– Все ясно, – кивнула она, – алкаш проклятый. Лучше бы он голову потерял, чем портить жизнь другим людям.

– Ну не злись, милая, – мужчина попытался привлечь к себе злюку.

– С чего ты взял, Погорел, – прищурилась она, отстраняясь, – катись. Но только чтобы ровно через двадцать минут был здесь. Только попробуй опоздать хоть на минуту, сам знаешь, что с тобой будет!

– Есть, командир, – послал он ей воздушный поцелуй, усаживаясь снова в то же самое такси, которое отвозило их и в лесок не так давно. Такое вот совпадение. И совпадение ли?...

Почти в то же самое время, одна не очень трезвая дамочка возвращалась из Зеленограда домой по Ленинградскому шоссе. Возвращались на чудном «Феррари», принадлежащем какому-то юноше из золотых. Почти на таком же, на каком не так давно на Якиманке еще два золотых мажора отправились одним дождливым утречком, хорошо проведя перед этим время в ночном клубе, прямо на собеседование к Богу. Игрушка, стоимостью в несколько миллионов рубчиков пополам при столкновении с наглым столбом, вздумавшим преградить машинке

дорогу, движок метров на двести вперед по ходу движения, а сами «пилоты» обреченного «болида» кувыркот вперед ногами всего где-то на сто. С кем не бывает! Но только не с ней, которую прямо в леске возле дороги и решили немного поиметь. И все бы ничего, да только они так не договаривались. Короче, не на ту нарвался! Поэтому и оказалась этой пьяной ночью на обочине, что прошлась своими острыми ноготками по сладкому личику наглеца, вздумавшего распускать руки. Еще недавно она цвела и пахла, как орхидея в оранжерее, а уже сейчас... Напилась, познакомилась и послала приставалу куда подальше со всеми *своими* банковскими карточками, новеньким ай... фоном и собственными документами! Разъяренная и оскорбленная в своих самых лучших чувствах, послала его куда подальше и пьяно засемила на высоких каблуках следом. Мерзость, конечно, но сама виновата. Пьяненькая закурила. А все потому, что просто Бог устал всех любить, сделала она вывод. Перестал любить и стал всех наказывать: одних болезнями, других – деньгами, третьих и четвертых – славой и пьянством, ну и так далее вниз по накатанной. Она, к примеру, напилась сегодня так, что даже имя свое забыла, представилась молодому человеку в ресторане... Впрочем, не важно, как она ему представилась. Новое имя тоже уже было забыто. Суть не в этом, а в том, что послала мерзавца куда подальше, вот и ее сразу же на обочину дороги и выкинуло, чтобы молодому человеку не обидно было в гордом одиночестве возвращаться в Москву. На такой крутой тачке и... облом. Всех в кипящий котел! И плохих и хороших... После чего мысли сбились. Так и не вспомнив, она уже через минуту стала жалеть, что не поддалась на уговоры этого наглеца и не отдалась ему прямо на капоте. Сейчас бы, вздыхала она, катила уже по центру и подъезжала к своей уютной квартирке.

И уж лучше бы так, чем как на самом деле, вздохнула она, думая уже о другом. Сначала наобещали гор золотых, а потом оказалось, что связалась с проходимцем. Золотой юноша был уже после, а перед этим был вполне респектабельный вечер в компании незнакомца с не очень известной фамилией в ее кругах, но с очень бриллиантовыми запонками, предложившим ей поучаствовать в одном интересном проекте за очень приличные деньги. И нет, чтобы сразу же согласиться, по окончании предлагалась вполне солидная сумма в размере целого миллиона долларов, не включая предстоящих расходов, решила еще набить себе цену, вот и получила от ворот поворот. И спрашивается, ради чего тащилась в этот Зеленоград к этому крутому продюсеру, когда даже ресторан пришлось самой оплачивать. Видите ли, этому типу не понравилось, что она за целую неделю так и не нашла в себе силы ознакомиться с содержанием сценария, полученного ей по почте, где ей предлагалась, можно сказать, одна из главных ролей. Какой актриске у нас еще предлагали целый миллион за роль? Шерон Стоун отдыхает в своей Америке, а она и в России не хуже могла бы отдохнуть. Дура!... А нечего было сегодня вытаскивать ее из постели раньше времени. К завтрашнему утру она точно бы уже все прочла, а так даже не смогла вспомнить названия проекта, вроде как «Вовочка», – что-то непонятное, но явно связанное с интимными сценами, от чего она сразу и открестилась. Одно дело сняться в клипе, где только чулок стащила с ноги и другое... Пыхтеть всем лицом под каким-то козлом, как главная проститутка в «Интердевочке», никаких денег не надо. Впрочем, задумалась пьяно она, проституткам у нас тоже по миллиону за палку не платят. Надо было соглашаться, вот дура же...

Просто у нее руки не дошли за суетой, а суть сценария она и так уловила из синопсиса. И снова ничего оригинального, включай телик и в каждом сериале одно и то же, что какого-то лоха бандиты пытаются развести не самым честным образом на бабки, взяв в заложницы его жену, которую она и должна была с успехом сыграть в скором будущем. Должна была, если бы уделила этому сценарию хоть капельку своего внимания. Естественно, что продюсеру это не понравилось, что с таким пренебрежением к его проекту, ну и пошел к черту. Сочинил какую-то хрень, возмущалась она, докуривая уже третью по счету сигарету, топая по обочине жизни в сторону своего неопределенного будущего, а все остальные должны были плясать

теперь под его дудку. До обсуждения гонорара дело почти не дошло. Предложил 150 долларов за день, когда она меньше, чем за 82 тысячи рубликов в сутки уже давно не снималась. Объяснил это тем, что многие актеры сейчас вообще сидят без работы, а ей-то что, когда ей за одну только рекламу всегда перепадает не меньше четырех-пяти тысяч в валюте за день работы, что гораздо больше жалких тридцати тысяч, какие платят другим. Здесь же какие-то жалкие сто пятьдесят тугриков за целый день интимного блаженства. И за такие копейки еще читать, тратить на всякую муру свое драгоценное время? А ух-ух не хо-хо... Короче, послала и свою закорючку под контрактом не поставила. Или все же поставила? А как же миллион в долларах? Пьяненькая задумалась. Или ей его уже не предлагали? Вспоминалось с трудом пока и не вспомнилось. Нет, точно она ни под чем не подписывалась, подмахнула пару автографов каким-то двум типам и на этом все! Или он ее послал, о чем эта история уже умалчивает. И черт с ним, у нее денег хватает, чтобы могла позволить себе не стелиться под каждого, нашел дурочку из переулочка, приехавшую столицу осваивать, чтобы она прям вся так перед ним и разбежалась. Ха-ха два раза! Ресторана ему в Москве не нашлось, заставил тащиться к черту на кулички незнамо куда и зачем. Не говоря ни слова, скотина, встал и свалил, чтоб ему пусто было. Пришлось самой же еще и расплачиваться за себя и за его удовольствие, чтобы потом все что было *не с собой* вспомнить. Ничего, вздохнула он. Вот протрезвеет и вспомнит! Развели дуреху на ужин в ресторане, надо же было так опростоволоситься. Только и успела бросить ему на прощание в спину, что согласна за такие *деньжищи* только на эпизод, и вот под него, под этот сраный эпизод в углу кадра вместо главной роли в картине, вроде как и подписалась. После чего тот и слинял. Может много запросила? Так ей и надо, в следующий раз умнее будет.

Однако, как говорится, не бывает хрени бездобра, – зато познакомилась с золотым олухом, в компании которого со злости и нажралась. И который уже в своей крутой тачке, не откладывая секс в долгий ящик, прямо по дороге в Москву и перешел к более решительным действиям. Не одной же было поднимать себе настроение за пустым столиком да еще и с пустоголовым мальчиком. Вот и перебрала немножко, оправдывала себя королева эпизода, которой в кои-то века предложили почти главную роль, которую она тут же и прос... ла-ла, ла-ла. Которую послала! С кем не бывает, бла-ла, ла-бла. И ведь все вроде было у нее хорошо, приличная работа, затухающая популярность, приличные деньги за рекламу, а вот счастья в личной жизни как-то все не налаживалось и не налаживалось. Да и где оно это счастье, за каким углом примостилось? Сигарету в рот и взгляд на задымленный экран. Никому курить нельзя, а ей можно! Ведь демонстрировался клип *почти с ее участием*, где известный всем певец слезливо разводил очередную красотку на любовь, а потом на мокром ночном шоссе летел в своем кабриолете в лобовую с грузовиком, когда та ему, наверное, отказала. Или не по этому, просто так было в сценарии, чтобы смотрелось трагичней. Станный человек в очках под зонтиком в ночном кадре, обернувшийся на проходящую мимо незнакомку. Он хватает ее за руку: похожа, но не она. И только после этого уже мокрый асфальт и почти что столкновение в лоб на полном ходу. Слетающий с красивой ножки чулок, – все это уже потом, все это значительно раньше. Станный клип, если честно. Женщина прикрыла глаза, вспоминая. Секса между ними тогда не было точно. Кажется...

Ты ушла рано утром,
После шести...

В ушах уже совсем другая музыка, не имеющая вообще никакого отношения к предыдущему клипу, собственное, как и она сама, которая с удовольствием бы заняла место той другой и успешной в этом клипе, да только кто же ей предложит! Еще вчера все в ее жизни было хорошо и успешно, а уже сегодня ей пришлось тащиться на эту сомнительную встречу неиз-

вестно с кем. После разрыва с известным режиссером, все остальные по просьбе последнего категорически отказывались ее снимать. А ведь она актриса от Бога, почему такая несправедливость, когда она может сыграть кого угодно. Вместо нее же снимают каких-то пустышек. Посмотрел и забыл... И возможно ей скоро предложат роль, которая в корне изменит к ней отношение всего кинематографического сообщества. Иначе, так бы она в это захоlustье и преперлась!

– Смотрю, не сама ли из клипа прямо к нам, глазам не верю, – подвыпивший скакун горячих кровей, уверенный, что за бабки можно все, присаживается к ней за столик и предлагает любые в ее и свое удовольствие.

– Девушка, это вы, сладенькая?

– Не я, отвали!

Она вообще ничего не собиралась сегодня делать, провести весь день в постели с этим дурацким сценарием, который получила уже неделю назад по почте, но до которого так и не добралась, хотя даже сейчас продолжала тащить его с собой под мышкой в том самом же желтом конверте. Надежда умирает последней, как говорится, усмехнулась она сама себе, очень довольная тем, что она не Надежда. Хотела позвонить, чтобы попросить кого-нибудь из знакомых, чтобы ее забрали с этой темной дороги, но куда там, новенький телефон уехал вместе с сумочкой и всеми прочими ее причиндалами: пудрой, помадой, ключами, кредитной картой и паспортом. Поэтому и пришлось голосовать на дороге своим телом, чтобы добрые люди подбросили. Не успела поднять руку с оттопыренным пальцем, дожидаясь, блин, как тут же остановился первый попавшийся грузовик, во поперло, и предложил почти бесплатно... Гремел Деер Purple из кабины, светились жадой глаза мужика в предвкушении. И как это не было заманчиво, все же пришлось отказаться, когда до нее наконец дошло, за кого ее приняли. За плечевую в свете своих неоновых фар ее приняли еще две остановившиеся иномарки, укатившие ни с чем, хорошо, что хоть сигареты стрелять не пришлось. Прихватила с торпеды, когда в спешке покидала автомобиль, и даже нашлось, чем чиркнуть, чтобы прикурить пятую уже по счету. Знала бы, где упасть, сама себе бы матрац подстелила, а так еще успела конверт со сценарием прихватить, который себе под голову и подложит. Пьяная недовольно огляделась, прикидывая, как далеко ей топтать без денег до общественного транспорта, чтобы как можно скорее вернуться в свой потерявшийся мир. И дернул же ее черт связаться с этим гадким мальчишкой, ругалась она, дымя как паровоз, чтобы его черти задрали. Не получилось разговора в ресторане с этим скрягой, надо было сразу и двигать домой. А так еще и сумку увезли со всем содержимым, включая и презервативы на всякий непредвиденный случай, которые всегда таскала с собой. Мог бы и вернуться, всхлипывала она уже пьяно, которой вдруг стало себя так жалко, так жалко, что жальче некуда. Чтобы хоть документы отдать, продолжала она негодовать на паршивца, укатившего на «Феррари», пьяно двигаясь неуверенной походкой в сторону *не пойми чего*, все равно как та шхуна во время шторма на скалы, сосредоточенно раскачиваясь из стороны в сторону, боясь перевернуться. Главное в полицию не попасть, боялась она. Без документов ее точно примут за проститутку с большой дороги. Церемониться не будут, проведут воспитательную работу всем строем и все, гадай потом, кто отец ребенка.

– Подвезем? – спросил таксист пассажира, кивая на голосующую.

– Как хочешь, – не стал возражать тот, – я уже почти приехал.

Так пьяненькая с обочины и оказалась в том такси, в которое даже не успела нормально усесться, как пришлось уже выбираться. Ее так стало мутить, что потребовалось в срочном порядке ретироваться, покидая автомобиль, чтобы его не заблевать. Так *за делами* и не заметила, как и оказалась снова одна в темноте ночи, решив тут же еще разок перекурить, а заодно и передохнуть после трудного пути в такую качку. Пусть все катится к черту, вздохнула она

печально. Завтра она проснется и переосмыслит все свое поведение, а сегодняшний день просто вычеркнет из жизни и все! И пусть ее снова прокатали, пусть все катится к черту. И если жизнь состоит из полос, то просто надо перетерпеть. Все наладится не сегодня, так завтра, не завтра, так... Никуда она дальше не пойдет и не поедет, прямо здесь и завалиться спать в кустах, найти бы только уборную, чтобы попи...

Рев мощных двигателей в ушах и ослепительный свет в голове не дали ей довести эту свою последнюю мысль до завершающей струйки. Все случилось так неожиданно и быстро, что даже разогнуться не успела, не говоря уж о том, чтобы вытереть рот после неожиданной неприятности. Жест! Взрыв, вспышка и черная пустота кругом. Без боли...

Брел где-то по ночному шоссе бомж, радующийся тому, что еще недавно мог кого-то там убить, но так до сих пор этого и не сделал. Тихо тикали золотые часики на неподвижной женской ручке, отсчитывая, судя по всему, уже не ее время. Пылала рядом с деревом иномарка, горело и само это дерево ярким пламенем. Разлетались горящие листы так и непрочитанного злополучного сценария в ночи, уносимые вверх огненным потоком навсегда меняющейся реальности всех этих людей, волею рока ли, случая или по чьей-то еще злой воле оказавшихся замешанных в эту историю. Сумрачный человек в темноте своего кабинета просматривал не очень приличную во всех отношениях видеозапись, прикидывая все выгоды от такого подарка. И еще двое летели отдыхать на острова, точнее на остров со своим маленьким аэропортом и огромным вулканом, куда им так и не суждено было никогда долететь.

3

Посадку на рейс объявили в три ночи. Жесть! В то самое время, когда человеческий организм вообще еле дышит, сердце еле стучит, а голова и вовсе находится неизвестно где в своих сновидениях. Другими словами – прощай реальность, пусть хоть во сне кому-то будет хорошо. Не всем, у одного, к примеру, машину сперли. Пришел в гараж, а там... А у другого жену увели, не всем же кошмары сняться, не успел порадоваться, как пришлось просыпаться и возвращаться из счастливого небытия в опостылевшее бытие аэропорта. Сонный люд потянулся к стойке последней регистрации, где хмурая работница аэропорта уже быстро проверяла соответствие вписанного в проездной билет данных пассажиров с их паспортными данными. После этого им оставалось немного пройтись еще по специальному рукаву и оказаться в «брюхе» самолета. Удобно, никаких тебе поездок в автобусе по летному полю, как в «древности», но и без этого хорошо. И особенно, когда весь отпуск еще только в самом начале, когда, дождавшийся этого светлого момента, если кому и завидует, то только самому себе. Процесс пошел, как говорится, и только двое в зале ожидания никак не реагировали на происходящее. Кира спала, и ее мужчина боялся разбудить свою соню, сладко прислушиваясь к ее нежному дыханию и чувствуя каждой клеткой своего тела тепло прижавшейся к нему судьбы.

– Милая, просыпайся, – прошептал, наконец, он ей нежно на ушко. – Посадку объявили, не прошло и полгода.

– Я слышала, – произнесла она чуть слышно и зевнула, потягиваясь и прогибаясь как кошка, – наконец-то... тебе даже не пришлось второй раз опаздывать. Другка своего пристроил?

– Пристроил.

– А лучше бы пристрелил, – не удержалась она от колкости в адрес ненавистной персоны, после чего взъерошила стриженные волосы и широко развела руки в стороны, потягиваясь. Огляделась, оценивая обстановку: они были последними, кто еще не прошел на посадку, следовало поторопиться. Мужчина встал и помог подняться женщине, вещей почти не было: его маленький рюкзак с фотоаппаратом, двумя электронными книжками, да ее дамская сумка со всевозможными причиндалами. Два пластиковых чемодана-мыльницы были сданы в багаж, как потом выяснилось – навсегда, о чем их владельцы даже еще и не догадывались. Так налегке они и проследовали к последней контрольной стойке перед посадкой, где работница аэропорта и должна была провести последнюю контрольную сверку перед посадкой. По пути он еще подмигнул симпатичной контролерше, за что тут же и получил пальцем в бок укол ревности от своей спутницы, что и попытался тут же исправить, собираясь пройти почти равнодушно мимо следующей дамочки, но куда там... Она даже и не подумала их пропускать, уколота таким равнодушием. Минута тщательного изучения листка с номером рейса и их данными, полученного ими по электронке из туристического агентства всего за три с половиной часа до вылета и распечатанного на домашнем принтере, и вот они, спасибо добросовестному работнику, от этого вылета уже отстранены. И по самой простой причине, что произошел, скорее всего, сбой в программе и система повторно выдала билеты на уже проданные места. Девушка извинилась и попросила минутку терпения для уточнения. Надо было видеть лицо Киры, готовой разорвать эту бедняжку в клочья за чьи-то промахи. Кто-то накосячил, а раскосячивать приходилось уже им.

– Куда не кинь, везде клин, – произнесла он зло, направляясь к только что покинутому месту, чтобы уже там дождаться окончательного решения их судьбы.

– Ни одного свободного места, – вздохнула контролерша, – но вы не расстраивайтесь, компания, допустившая такой промах, все компенсирует. И вы уже в скором времени отправитесь следующим рейсом.

– А кто мне компенсирует потерянный день отпуска, милочка?

Девушка не ответила. Кира вернулась на место, Вадим отправился курить на улицу, не вере вообще уже, что куда-нибудь улетит, а контролерша отправилась решать их проблему. Без всякой надежды, если честно, провожаемая, свирепым взглядом рассерженной пассажирки. Однако не прошло и тридцати минут, как отпускникам был предложен вполне приемлемый вариант перелета к месту назначения на борту частного самолета бизнес-класса, некогда даже принадлежащего одному банкиру. Погорел удивился, с какой это радости такая манна небесная на их головы, а Кира и вовсе не поверила, скептически усмехнувшись, но деваться было некуда и они проследовали на посадку. Бизнес-классом, так бизнес-классом, в стране дураков и не такое возможно.

– Вы не одни такие, – улыбнулась служащая аэропорта, предлагая пройти им в специальный микроавтобус, который и должен был доставить их к самолету, – еще несколько человек тоже оказались без мест, и все благодаря вашей турконторе, где вы заказывали путевки, не пережи...

– Помолчите, пожалуйста, – прервала ее Кира, – без вас тошно. Мы уже почти сутки маемся вашим гостеприимством, вторые я не вынесу.

– Мы приносим свои извинения, пройдите в автобус, пожалуйста.

Брюнетка взглянула на своего спутника:

– Лучше мы отправились в Венецию на карнавал, честное слово, уже давно были бы там и кривлялись в масках, но нет, мы едем на автобусе на Канары, как самые крутые бобры!

– И наслаждались бы протухшими постройками странного города, зачем-то построенного безумцами прямо на болоте. Не иначе, чтобы легче было там туристов топить, – улыбнулся ей Погорел, когда были уже внутри старенького «Рафика», собранного из запчастей на каком-то расборе.

– Это твой Питер построен на болоте, – вскрикнула она, – а Венеция стоит на воде, вся погруженная в сказку! Один карнавал чего стоит, куда съезжаются со всего света, лишь бы только прикоснуться к этому чуду.

– Могли полететь туда, – пожал плечами мужчина, – сама не захотела. Тебе не угодить.

– Не сезон, я на карнавал хочу, а отпуск у меня сегодня. Мне подруга рассказывала, что она в одной местной лавке чуть даже не прикупила себе маску, не поверишь... В которой отражается все, чего не хватает тому, кто ее нацепит. Простак в ней становится таинственным незнакомцем, а надменный гордец вполне может сойти и за глуповатого простака. В любой маске всегда больше самого лица, ты не замечал, которое она скрывает. Хочешь быть счастливой – будь ею, цепляй на грустный лик подходящую улыбку и вот твое лицо – это уже не безразличие в грядущем, а бесконечная радость в настоящем. И пусть это будет всего лишь иллюзией, но это твоя иллюзия, ведь так! В чем вся и прелесть карнавала.

– Нацепил маску злодея, – усмехнулся Погорел, – и тихонечко в толпе прирезал того, кто тебе был негоден. Лучшего места для идеального преступления и не придумаешь, не надо ни на какое озеро плыть, чтобы избавиться от беременной дурнушки, когда тебя ждет отличная партия с красавицей.

– Как точно подмечено, – прокомментировал кто-то сзади. – Нацепил и мочи кого хочешь.

– К счастью, – заметила Кира, не оборачиваясь, – мы живем пока еще в цивилизованном обществе, где вас и без всякой маски достанут, уважаемый, если вы еще раз вмешаетесь в наш разговор.

– Ну зачем ты так? – упрекнул ее Погорел.

– А ты зачем? – уставилась она на своего спутника. – С чего-то вдруг заговорил о преступлении?

– Жизнь любого в том или ином смысле является преступлением. И в первую очередь перед самим собой, когда почти каждый день приходится переступать через самого себя в принятии решений и совершении поступков. Ты полностью уверена, что все твои шаги правильные? В чем все и дело...

– Я уверена, – заявила Кира, – что все мои шаги правильные. Пространство так устроено вокруг, что заставляет шевелиться и двигаться, остановился и ты погиб. Тебя тут же затопчут прутья следом!

– Другими словами, милая, ни в каком преступлении вообще нет никакого преступления, я тебя правильно понял?

– Если это требуется для выживания человека разумного, как вида, то никакого, – кивнула она. Выбирать не приходится, ты или человек на вершине всего или безвольный неудачник на помойке самом низу, Духлес неудавшийся.

– Круто.

– Отнюдь... Наш Рим – это не примитив в церковном, как преподносит его церковь, молись и тебе воздастся, но только там, – закатила она глаза к небу, – а не здесь. Здесь же, милочка, уж будь добр, выполнять приказы других и жить так, как тебе велят. Плохое и хорошее... Подобных понятий в природе просто не существует, и знаешь почему? Потому что устроено все так, что делится на сильных и слабых. Тигр может сожрать волка, волк – лису, лиса избавить от перьев курицу, и только курица может лишь нести яйца, пребывая в счастливом неведении, что ее скоро сожрут. Так вот, милый, я не курица, а мужчине, что он тигр, надо еще доказать. И в первую очередь самому себе, чтобы все прочие с помойки точно знали, что он находится на вершине по праву сильнейшего. И в чем же здесь преступление?

– Ты чего завелась? – не понял ее выпада Погорел, беря за руку. – Будь сильной на работе, кто тебе не дает, а в отпуске можно и расслабиться, даже нужно, чтобы набраться сил для будущих свершений.

– Отстань... Сам завел, вот и радуется.

Мужчина удивился еще больше:

– И каким образом?

– Ты не ответил на мой вопрос: с чего ты вдруг заговорил о преступлении, у тебя есть кто-то беременный?

– Если только ты, – улыбнулся он, приняв все это за шутку.

– Я не могу иметь детей, забыл, чудовище, так кто у тебя там беременный?

Погорел насупился и отвернулся, еле сдерживаясь уже, чтобы не взорваться. Вот так обычная болтовня в автобусе чуть не вылилась в очередную ссору, грозящую сорвать вообще весь отпуск. Еще немного и... видел он эти Канары! «Кто у него беременный...»

– Ну все, – хлопнула его по руке с нежной улыбкой Кира, довольная результатом, – не дуйся. Не знаю, что на меня нашло.

– И что же на тебя нашло? – взглянул он на нее. – Нет дыма без огня, договаривай.

– Ты сам попросил, не я, – не отвела она глаз, – мне продолжать?

Погорел кивнул, готовый уже к самому худшему, понимая, что неспроста его любовь подвела весь разговор именно к этому кульминационному моменту в выяснении истины.

– Вся контора шепчется, что одна курица в нашем курятнике скоро снесет кое от кого яйцо, готовясь к свадьбе, мне назвать ее имя?

– Не надо, – облегченно перевел он дыхание, понимая, о ком идет речь. – Больше прислушивайся к сплетням.

– Значит... ничего не было?

– Почему же не было, – пробурчал он, – было... Один тип разок сходил с ней в кино, преступление?

– Где на последнем ряду все и случилось? – продолжала пытаться она.

– Мы сидели на первом, и это было еще до тебя, – ответил он спокойно. – Чем прислушиваться ко всяким сплетням, лучше бы меня сразу спросила.

– Вот я и спросила... Случилось-то когда, не девять ли месяцев назад? Все, блин, молчу, знаю наперед, все, что ты дальше скажешь, мой милый, какая я дура и все такое, оправдания принимаются. Да, я дура, но должна же я была выяснить, с кем мне предстоит провести самую счастливую неделю своей жизни.

– Выяснила?

Кира с улыбкой кивнула, прижимаясь к его плечу. Все же как хорошо быть хоть иногда слабой.

– Считаю это моим маленьким тебе ответом за ту твою безобразную выходку в метро, теперь мы квиты. Я все узнала и еще отомстила, я у тебя умная? Ладно, злюка, не отвечай, и без тебя это знаю. В домино всех обыгрываю в интернете, но ты не дослушал про маску, – вдруг вспомнила она, как ни в чем не бывало возвращаясь к прерванному разговору о непознанном и загадочном, – тебе еще интересно?

Погорел молча кивнул, явно раздосадованный тем, что она снова напомнила ему о том неудачном розыгрыше в метро полугодовой давности, после которого они два месяца вообще не общались. Но лучше уж про маску, чем про все остальное... Всего раз сходил в кино, не пойми как оказавшись с ней после этого в постели, неужели залетела? Он хорошо помнил, что ни о каком сексе не шло даже и речи, впили по фужеру вина в ресторане, допивали уже у нее дома, потом как обрезало... Проснулся он от запаха кофе и нежных ласк голой девицы своего причинного места. И все бы ничего, если бы эта девица не была дочкой хозяина той самой корпорации, в которой он и трудился.

– Так вот, – продолжила Кира, якобы случайно напомнив о неудачном розыгрыше, – эта маска вообще была ничем не примечательна в отличие от других. Нацепил маску злодея, – ты злодей, а в маске дуры, – тебе об этом и сообщать даже не надо...

– Дуру никакая маска не спасет, – согласился он, стараясь избавиться от гадких воспоминаний.

– Тсс! – приложила она палец к его губам. Эта маска принимала образ того, кто ее одевал.

– Надевал, – поправил ее Погорел.

– Плевать, – парировала Кира, – суть в другом... Она забирала того, кто ее напяливал. Смотришься в зеркале, лицо твое, а глаза... глаза уже чужие. Но и это еще не самое страшное, страх весь в том, что эту хрень потом невозможно было снять.

– Тебе об этом подруга рассказала?

– Или я где-то прочла, – отмахнулась она. – Сама мысль тебе как, что если она не одна такая маска, все вокруг в этих масках?

– Целуешь такую маску, смотришь, а дрянь уже и к тебе привязалась.

– Так вот как ты обо мне думаешь, – насупилась Кира, недовольная такой неадекватной реакцией своего спутника. – Спасибо, но я не к кому не привязывалась.

Ну Кира, – взмолился он. – Нельзя же все так воспринимать буквально. Я понимаю, что это нервы перед взлетом, но не до такой же степени трястись из-за того, чего еще не случилось. Я о твоей подруге, рассказавшей тебе эту сказку, при встрече же целовались, вот и прилепилось к тебе. Не переживай, ничего не случилось.

– Случилось, милый... После этого я успела уже поцеловать тебя, – обронила многозначительно она после паузы и замолчала до самого самолета.

Доехали быстро и каково же было удивление пассажиров, когда на какой-то второстепенной взлетной полосе их поджидал самый обычный Ан-2, в народе прозванный кукурузником. От крутого вида которого им вовсе не стало легче, с большим трудом представляющим себе многочасовой перелет на этом ископаемом динозавре с десятком дозаправок, пусть даже он

и был весь белого цвета и даже с кожаным салон внутри. Кира тихонько выругалась матом, но так чтобы вся вселенная услышала. Погорел же просто отошел чуть в сторону и с улыбкой закурил в неподобающем месте, предпочитая не портить себе нервы. Главное ведь, что они летели на свой остров в океане, а все остальное... В любом случае, выдохнул он из себя первую затычку, любая хрень когда нить, да кончается.

В двух пассажирах, ехавших вместе с ними Кира хоть и не сразу в тусклом свете салонного освещения, но все же признала того покойничка с потной лысиной со своей подружкой, которому уже плохо в этом аэропорту становилось, хорошо, не до смерти, а сейчас должно было стать и еще хуже от вида этого зрелища. Уж лучше б умер, пожалела она беднягу, с опаской поглядывая на безнадежно допотопный вид транспорта, предоставленный сердобольной компанией в их полное распоряжение. В самолете, точнее, в пустотелом «бревне» с крылышками, она заняла место возле окна, выразив свое недовольство отсутствием вообще какого-то освещения внутри. Ей объяснили, что время позднее и все уже спят, ждали только припоздавших.

– Это мы припоздали?! – уставилась она на обходительную стюардессу, имеющую право только блеснуть в темноте своими белыми зубами. – Посмотрим, как ты сама завтра припоздаешь, когда вылетишь с работы.

Брякнула, испортила человеку настроение, с недовольным видом плюхнулось в мягкое кресло и уставилась в черное окно. Ее спутник уселся рядом. Кира просто обожала любоваться открывающимися видами, пусть даже и ночью. Яркие пятна светящихся городов под крылом – очень завораживающее зрелище. И вообще, от жизни надо получать истинное удовольствие каждую секунду, ведь следующей может уже и не быть, особенно когда летишь на таком корыте. А потом еще удивляются, почему пьяные мужики буянят в воздухе, а некоторые москвички впадают в истерику, еще даже и не взлетев. Бояться! Может, и она тоже трусит? Кира тут же оттолкнула от себя эту *вздорную* мысль, уверенная на все сто, что уж с ней точно авиакатастрофы никакой не случится! Два раза не умирают, достаточно и одного, усмехнулась она, накручивая себя все больше и больше, что и не укрылось от ее спутника.

– Я так отдохнула уже, сил нет, – вздохнула она, прищурившись, – засну и проснусь уже на Канарах. Даже не верится после сегодняшних мытарств, что это вообще возможно. Представляешь, – мечтательно прикрыла глаза брюнетка, смирившись уже со своей участью, что ей придется добираться до своего райского счастья на телеге, мощностью в одну облупившуюся кукурузину, – мы сидим на открытой веранде небольшого ресторанчика, а внизу плещется испанское море.

– Нет такого моря, там океан, милая...

– Значит, будет, не перебивай, – ущипнула она его за руку. – Плещется море шампанского...

– Даже ванна с этим благородным напитком уже смертельна.

– Погорел, ты зануда, тебе об этом не говорили? Если б было море водки, стал бы он подводной лодкой, так устраивает?

– Вполне, – кивнул он, – представляю себе наш заплыв...

– А ты не представляй, всё представление еще впереди, сколько у нас там дней по путевке на этом райском местечке?

– Вроде как семь.

– Маловато, ну да ладно, я не жадная... Одета, значит, я в свое лучшее красное платье, которое там куплю, а ты в свой элегантный белый костюм.

– Висящий тоже еще в магазине.

– Твой мы возьмем на прокат, не перебивай, – Кира прикрыла глаза, представляя себя уже там, – а еще мы купим тебе белую американскую шляпу, а шею замотаем черным платком, сочетающимся с моим красным платьем, чтобы все сразу видели, что мы – пара! Шикарный

букет бордовых роз будет украшать наш столик, я очень люблю с некоторых пор бордовые розы, сервированный по самому высшему разряду. Нет, не розы, ты мне их уже дарил, – тут же поправила она себя, – на всю жизнь запомнила. На столе будут стоять...

– Если хочешь возненавидеть любимую мелодию, сделай ее звонком на телефоне, понимая, – вздохнул будущий обладатель шикарного прокатного костюма и шляпы.

– А еще лучше будильником, – усмехнулась женщина. – Хочешь невзлюбить цветок, договорись о встрече прямо в метро в свой день рождения!

– Кир, ну помирились же, – взмолился мужчина, – сколько можно вспоминать прошлое. Я проклятые розы сам ненавижу. Или за одну оплошность мне теперь всю жизнь у тебя прощение вымаливать?

– Может и так, – сверкнула она глазами. – И это еще самое простенькое из всех наказаний. На Канарах будешь каждый день мне дарить цветы. Дарить и помнить, что еще одна такая твоя выходка, и ты этого уже не переживешь. Все проехали! И больше не напоминай мне о них.

– Сама и напомнила, так какие предпочитаешь?

– Без колючек, чтобы в гробу не кололись... А вот вино я выберу сама, но только красное и полусладкое, терпеть не могу белое и сухое. Просто обожаю кровавое.

– Договорились, – кивнул он, – только мне все равно виски, твой избранник все же не так кровожаден как некоторые.

– Я этого не слышала. Шотландский самогон – это так вульгарно, придется заняться твоим воспитанием. Его продажи, кстати, сократились на девяносто процентов в свете последних реалий. Люди умнеют. Не спорь, к тебе это не относится, мы будем пить вино, любоваться набегающими волнами, вслушиваться в их шум, ловить губами соленый привкус брызг и наслаждаться бездельем. Крик чаек и все такое, легкий хмель в голове и ощущение счастья. Здорово, правда?

– Правда, – улыбнулся он, прижимая ее к себе правой рукой. – Только я все равно буду пить виски со льдом, и курить настоящую гаванскую сигару. Ноги я положу на стол, как тот янки, вокруг шеи обмотаю черный платок, раз уж тебе так хочется, а на голову нахлобучу белую шляпу с широкими полями. А когда напьемся, то пойдем бродить по городку и обязательно забредем в крепость, где снимали «Пиратов с Карибского моря», не пропуская по дороге ни одного кабачка.

– Ты перепутал, это кино снимали в Марокко, а мы летим на Канары, – поправила она. – Ночь же и вовсе встретим где-нибудь под забором, как две бездомные собаки, если будем придерживаться твоей методики.

– Ночью мы отправимся на яхте в океан. И продолжим уже там наше веселье, но только уже с танцами и объятиями.

– С грязными танцами, – подмигнула она.

– Как скажешь, – расцвел он в блаженной улыбке. – И с купанием в океане...

– Ты спятил, там же акулы! – воскликнула она и тут же категорически заявила, что в воду она не полезет даже в самом своем невнятном виде.

Мужчина взглянул на часы. Шел четвертый час ночи. В проходе стюард проверял пристегнутые ремни, а другая стюардесса заняла место в начале салона под чуть тлеющей тусклой жутью лампочкой из фильма ужасов и собирались приступить к обязательной демонстрации мер техники безопасности при полете, все как в настоящем лайнере. Ну не издевательство ли, грустно усмехнулся Погорел. Уже и в кукурузнике крылышками машут.

– Мы сегодня полетим или нет? – вздохнул он устало. – Или так и будем крылышками махать, спят же уже все.

– Так и будем, – почти спокойно заметила его спутница, – эта курица замучается махать, чтобы поднять в воздух эту посудину. Должны другие силы включиться, чтобы мы полетели.

Ляпнула и получила от своего спутника такой взгляд, что самой холодно стало.

– Нет, – рассердился он уже не на шутку, – ты все же решила меня доконать своими предположениями. Выкинь всю эту дурь из головы и расслабься. Тебе даже отдельный самолет подали, чтобы ты не волновалась, все равно за свое!

– Кукурузник! – повысила и она голос. – Если у героини того романчика даже имя как у меня, она Ира, я Кира, и теперь должна за нее погибать, да? Там самолет задержали с вылетом, и у нас задержали, там герой припоздал на рейс, ты тоже опоздал, почему?

– Куда-то ключи от машины дома завалились, искал.

– И тебе обязательно было ехать именно на ней, на такси как бы уже и не с руки?

– Хотел похвастаться, – честно признался обладатель новенькой машинки.

– Ты прелесть, – скривилась Кира. – Если бы вылет не задержали, отправился бы догонять меня по воздуху на своем джипе или бросил бы его в аэропорту?

– Второй комплект ключей у Ивана, он бы и отогнал ее на стоянку. Я же его тачки отгонял, не расклеился бы.

– Просила же не напоминать мне о нем, – упрекнула брюнетка.

– Прости.

– И знаешь, если и тебя вдруг тоже снимут с рейса, как и его, то это уже вовсе не писательская выдумка. Вот!

– Его, это кого?

– Героя не моего романа, – сверкнула глазами Кира, – Если тебя тоже снимут сейчас с рейса, как того типа из книжки, то я тоже никуда не полечу, так и знай. Самолет точно грохнет. Столько совпадений! Надо быть совсем уж дурой, чтобы добровольно самой лететь на тот свет!

– Ты это о чем? – не понял он свою спутницу.

– О книжке из такси, – произнесла она с вызовом. – Пока ты где-то там разъезжал, спасая своих друзей, а потом сладко спал, я прочла начало и конец этой захватывающей истории. Давай сойдем, а? – пробормотала она, прижимаясь к нему и ласково заглядывая в глаза. – Таких совпадений случайно не бывает. И если ты не хочешь наших смертей... Паркер на лодке тоже спички тянул, наивный, лучше бы книжки читал, здоровей бы остался. А нам теперь лететь на этой развалюхе через всю Европу и океан. И почему в этом гробу так темно, – оглянулась она по сторонам на спящих спутников, – чтобы свет дрыхнуть не мешал, включите свет. Пожалуйста... Я не хочу подыхать в темноте!

– Замолчи, – попросил он ее, еле уже сдерживаясь. Он даже представить себе не мог, что бабы могут быть такими нудными. Столько денег вложить поездку и сойти, потому что ей вдруг приснилось, потому что она вдруг прочла, потому что смерть прописалась уже вдруг везде. Потому что баба напилась и не дает никому покоя!

– Это турбюро нас специально в этот кукурузник засунуло. Китайка проклятая, это она все подстроила! Она и такси это нам подсунула с этим потным водителем...

– В книжке тоже был кукурузник? – прервал он ее.

– Нет.

– Вот и успокойся. Что тебе еще предложила эта китайка? – устался он на пьяную, чувствуя, что скоро взорвется. – Может, сразу же и повеситься?

– Нет, – заморгала обиженно Кира, готовая вот-вот уже разреветься, – этого она мне не предлагала, но вместо Канарских островов какой-то клоповник с тараканами – точно! Скажи, Погорел, а почему ты мне никогда сам не рассказываешь про свою войну?

– На нас уже обращают внимание, не кричи, – попросил он. – Все только на тебя и смотрят, ты же в самолете находишься, а не в парке аттракционов, здесь нельзя себя так вести.

– Не больше, чем вон на того, – махнула она назад через свое плечо сжатым кулаком с оттопыренным большим пальцем в лысого типа. Судя по всему, отведавшего тоже уже коньячку, того самого типа из аэропорта, которого из него один раз уже вперед ногами выно-

сили. Кучерявый, как успела она его уже окрестить, даже кого-то отчитывал по телефону, распекая за то, что какая-то сволочь взяла без спросу и угробила его новую тачку, купленную буквально вчера за приличное количество миллионов рубликов, угробила вместо старого служебного «шестисотого».

– Я же приказал, – хрипел в трубку лысый, вытирая пот со лба, – брать «мерина», нет же, блин... Я на кукурузнике на Канары лечу и не парюсь, ничего бы и с этой фифой не случилось, если бы и проехала на доброй машине. Что ты мне несешь, не завелся, а новая тачка, значит, завелась, ну и где она теперь?! Короче так, мне плевать, что там учудил твой водила, тебе и все гаечные ключи в руки, вернешь мне автомобиль в первозданном виде, понял! Плюс полтора миллиона долларов, что в ее багажнике завалялись, и только попробуй мне заявить, что их там нет, сам знаешь, где тебя тоже не будет.

– Пусик, не горячись, людей всех побудишь, – прижалась к его плечу девица с размалеванными под потаскушку глазками, одна из тех особ ненасытного рода, которых в старичках в первую очередь привлекает кошелек и только уж потом все остальные половые способности. – Скажи, а ты про какую такую машинку говоришь, уж не про ту ли, что мне обещался?

– Отвали, дура, – дернул он нервно плечом, продолжая кого-то там отчитывать: – Что?.. Какие еще обстоятельства, ты мне что трепал? Я в аэропорту из-за тебя чуть ласты не склеил, а он еще и машину саданул. Не завелась, опаздывал... Вовремя все делать надо, а не через выхлопное отверстие, в кои-то веки собрался недельку отдохнуть... От машины вообще ничего не осталось, меня интересует багажник?

– Гражданин, – к нему уже спешили стюардесса, – отключите, пожалуйста, телефон и на полтона ниже, пожалуйста.

– Извините, – буркнул тот, повинуюсь. – Вы бы лучше за собой следили, десять часов никак вылететь не можем, телефон ей мешает. Вон эта, – ткнул он пальцем в Кирина затылок, – орала и ничего, никого не разбудила, а мне нельзя по телефону поговорить. Все-все, отключаю, взлетайте.

– Есть, командир, – улыбнулась ему дежурной улыбкой бортпроводница. – Вы только не волнуйтесь.

– Мне-то чего волноваться, – самодовольно оскалился лысый, – накатаю на вас телегу куда надо, вот тогда и посмотрим, кто будет больше волноваться. Лишат лицензии, где будешь потом задом вилить?

– А вот в Штатах, – заметил спокойно Погорел, – одну вздорную особу сняли с борта самолета лишь за то, что она ткнула карандашом в бок храпящего соседа.

– Мы не в Америке, – хмыкнула Кира.

– Ты зачем так напилась, ведь могли и посадить?

– А не надо было наливать, не напилась бы, – огрызнулась тихо она, чтобы сосед сзади не слышал. – Пред смертью не надышишься, все должны дышать ровно и спокойно. А знаешь, зачем люди пристегиваются в самолете? Чтобы не парить по фюзеляжу во время свободного падения. – И с этими словами она демонстративно отстегнулась. – А еще я в книжке прочла, что когда потом главный герой приехал в аэропорт, – она достала злополучную книжку и ткнула в нее пальцем, – что когда он приехал после всего уже в аэропорт узнать о катастрофе...

– Кир!!!

– ... то в списках погибших он нашел и ее фамилию тоже. Себя, кстати, он там не нашел!

– Ну, блин, все! – не выдержал Погорел, и рванул из ее рук проклятую книжку, – дай сюда. Когда прилетим, я ее тебе верну, а пока...

Но она даже и не думала расставаться с этой дикой вещицей, так в нее вцепилась своими ухоженными пальчиками, что... пополам! Ему – начало, а ей, чего и следовало ожидать – печальный конец. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не внешний фактор. В их сторону по проходу зачем-то снова направилась знакомая уже стюардесса, скорее всего, сделать

еще одно предупреждение лысому, так и не выключившему свой телефон и продолжавшему что-то там потихоньку в него бухтеть, посылая кого-то там тихим сапом куда подальше.

– В книге рейс на Рим, – ткнул он пальцем в обложку, – сама же говорила, а мы летим в Испанию, так что успокойся. И причем уже даже не на том самолете, который уже улетел, про кукурузник в ней вообще ни одним боком.

– Ну и что, а если мне и в самом деле страшно, – разревелась все же она, – то, блин, какого черта, спрашивается, ради твоего тупого отрицания неконтролируемой ситуации я должна в этой Испании подыхать? В Рим они летели! Да мне плевать, куда они там летели, главное, чтобы никуда не улетела я. Подыхала уже, хватит, с меня достаточно было и одной смерти, чтобы насладиться! А если в самолете бомба? Поэтому нас сюда и пересадили, чтоб всех не взрывать, – вытаращила она глаза, – точно! И этот лысый труп из аэропорта, – вцепилась она в руку своего почти что уже товарища по несчастью, – тоже здесь, ужас какой... Милый, а может нас уже взорвали или каким другим способом прикончили, хотя бы в том леске, где мы сексом занимались? И мы – это уже не мы, раз с трупом летим, он вед тоже уже несколько часов, как не он, а?

Тем временем самолет плавно стронулся с места и стал потихоньку выруливать на взлетную полосу.

– Какие-то проблемы? – участливо спросила стюардесса, темным силуэтом склонившись над ними.

– Нет, – Кира вытерла свой покрасневший нос платком, – все нормально. Просто я боюсь летать в темноте, вот и нервничаю.

– Вы летите на самом надежном авиалайнере мира, – улыбнулась ей девушка, – все будет хорошо, не переживайте.

– Надеюсь, – шмыгнула носом психопатка. – Все бы на таких фанерных лайнерах и летали.

И все бы нормально, если бы не этот лысый тип с реденьким пушком над головой и страхом в глазах, истерично рванувший вдруг к выходу. Перепуганный насмерть дядечка все еще продолжал цепляться за жизнь всеми своими пухлыми руками, хрипя на весь салон, что в самолете бомба, он сам только что слышал, требуя, чтоб его немедленно выпустили.

– Я слышал, я все слышал! – тыкал он пальцем в сторону Киры, вскакивая с места. – Террористка-смертница, плела, что мы обречены! Взорвемся и вообще, на ней бомба! Проверьте на ней пояс шахидки, я из-за этой твари подыхать совсем не собираюсь. И еще сказала, что в самолете спрятан труп. Безобразие...

С чем и покинул самолет, не вдаваясь в подробности, забыв даже про свою спутницу, разревшуюся на своем месте. Ну и все в таком же экстравагантном духе, кто с идиотами летал – тот знает... Тем временем строгая стюардесса в красной униформе с кокетливым платочком на изящной шейке попросила пассажиров не волноваться, уточнила фамилию нашего героя, что он и в самом деле Погорел, предложила тому пройти тоже к выходу вслед за нервным пассажиром. Причину даже не надо было объяснять, и так было ясно, что взяли самого главного террориста с бомбой. Было непонятно, почему оставили в покое его сообщницу, наверное, чтобы не накалять еще больше обстановку. А вдруг и в самом деле шахидка, собирай потом шарики с косточками по салону. Проснувшиеся пассажиры напряженно молчали, надеясь все же на лучшее, что все это просто нервы перетрусившего перед взлетом идиота. Надеялся на это Вадим, все еще верящий в то, что свое *светлое завтра* встретит все же на дивном острове в океане, а не где-нибудь в следственном изоляторе из-за этой дурацкой книжки, взорвавшей ситуацию в самолете одним только своим присутствием.

– Зато теперь уж точно не разобьемся, – бросил наш герой злой взгляд на притихшую и как-то сразу протрезвевшую Киру. – Все к лучшему!

– Слетали, блин, на Канары, – бухтел он про себя, поднимаясь с места. – Полюбовались, черт возьми, видами с вершины вулкана. Сделал, блин, предложение... Подарил машину, которой и хотел похвастаться, чтобы знала, на чем будет ездить, когда вернется. Тянули за язык трещать на весь самолет про бомбы.

– Съел, да! – бросила вслед ему злюка, провожая строптивного долгим взглядом, после чего и попыталась сосредоточиться на видах из окна, что у нее не очень хорошо получилось. Не смотрелось! Но и внутри самолета тоже рассматривать было особенно нечего и некого, разве что только будущих покойников в последние минуты их жизни. Кира ущипнула себя за руку, злясь уже на саму себя за свой черный юмор. Вертелся на сиденье через проход трехлетний мальчуган, шило в одном месте. Мать уже извелась, пытаясь его удержать на месте, а чуть вперед по проходу шумно веселилась и вовсе парочка студентов, радующихся, как последний раз жизни. Летели на тот свет люди. Кира поджала губы и уставившись в окно. Лучше было смотреть на другие самолеты, зная, что уж те точно ничего подобного не ожидает. «Если он вернется, – загадала она, – то все в этой книжке ерунда, а нет, так...» Но прошло уже три минуты, а ее милый все не появлялся. И это притом, что уже попросили пристегнуть ремни и кукурузник должен был уже того... Было с чего и в самом деле начать беспокоиться. Поэтому, сплюнув три раза через плечо, она не стала дожидаться взлета и решила выяснить все на месте, в чем там дело, куда делся ее возлюбленный? Перекинула через плечо сумку и, слегка покачиваясь, неуверенной походкой направилась к выходу.

Возле самолета Погорела, как и выяснилось совсем скоро, и в самом деле уже ждал полицейский «Мерседес». Он с ухмылкой, привидится же такое, закрыл глаза и помотал головой, чтоб избавиться от чертовщины. Видение не исчезло. Вроде как много и не пил, вздохнул он. Во всяком случае, уж точно никого из летного состава в самолете не строил как этот лысый, удивился он такому вниманию к своей персоне. Не вздумают же его и в самом деле обвинить в терроризме из-за какого-то лысого козла, услышавшего звон, да так и не понявшего где он. И сейчас, кстати, улепетывающего со своей длинноногой козой, выскочившей пулей вслед за своим папиком, ковыляющей на шпильках, к светящимся вдалеке огням здания аэровокзала. Он прикинул на глазок расстояние до огней и даже посочувствовал семенящей парочке, ковылять предстояло им прилично. Кукурузник находился где-то на задворках летного поля, предназначенных, скорее всего, для частных посудин, что бы те своим ничтожным видом не мозолили глаза великолепным аэробусам.

– Вадим Сергеевич? – обратился к нему полицейский с погонами как у того спящего мента в метро, который минувшей зимой так уютно в час-пик изволил почивать во всю лавку, что запомнился своим безобразием многим.

– Так точно, с кем имею честь?

– Майор Пахомов, – представился полицейский, – документы, пожалуйста.

Погорел, все еще ничего не понимая в происходящем, протянул тому свой загранпаспорт. – А что случилось?

Майор не ответил, но очень внимательно при этом сверил фотографию в документе с оригиналом. После чего попросил еще и водительское удостоверение. Убедившись в его подлинности, он задал следующий вопрос, но уже про его автомобиль, который он якобы оставил на стоянке. Зачем-то уточнил номер машины и только уже после этого вежливо попросил спуститься товарища вниз.

– Как это? – пассажир явно не догонял ментовский юмор. – Вообще-то я улетаю...

– Не сейчас, – произнес сухо майор.

– На каком основании? Надеюсь, что не из-за бомбы, которую я якобы заложил, если верить некоторым с нашего рейса, – усмехнулся Погорел.

– Вы обвиняетесь в совершении дорожно-транспортного происшествия и сокрытии с места преступления.

– Что за бред, какое еще к черту ДТП? – он не верил своим ушам, ведь он сегодня вообще не садился за руль.

– Вот на месте и выясним, как вы не сядились, но перед этим пройдем еще экспертизу на алкоголь в крови. Впрочем, что вы пьяны, видно и так, от вас за версту несет перегаром.

– Я выпил в аэропорту, чтобы скоротать время ожидания. Когда произошла авария?

– Вы задаете мне этот вопрос? – удивился полицейский. – Пройдемте, гражданин, с отпуском пока придется повременить.

– Но у меня алиби, – не унимался задержанный.

– Пьяное в стельку, – усмехнулся полицейский, направляясь вниз. – Зовите свое алиби, если хотите испортить отпуск еще и ей. Но я бы на вашем месте лучше этого не делал. Получится, что вы вместе скрылись пьяные с места преступления, не оказав пострадавшему первую медицинскую помощь.

– Вы это о чем? – не понял Погорел.

– Вам лучше знать, – пожал плечами майор, приглашая того в машину, – следствие разберется. Пройдемте.

Вот так он и оказался на том самом месте, где даже не собирался, то есть на месте ДТП, с которого, якобы, смылся. Вот и не верь после этого бабам, они как кошки нутром беду чувят.

4

Почти в то же самое время, когда снятого с самолета отпускника привезли к месту аварии, только чуть дальше по Ленинградскому шоссе в сторону центра, лысый толстячок, тот самый, который сам не так давно покинул знакомый нам уже кукурузник, чувствовал тоже себя не самым лучшим образом. Москва, северный округ, район метро «Водный стадион», двухуровневые апартаменты в клубном доме, в котором каждая деталь отвечала за поддержание стильного и комфортного пребывания своих упакованных обитателей. Солидная пятиэтажка гармонично сочетала в себе шикарный архитектурный облик под кирпичную старину с широким спектром всевозможных услуг для владельцев апартаментов: от продуктового магазина, салона красоты, фитнес-клуба, уютного ресторанчика, баньки и до самого настоящего кинотеатра на десять персон. Домик располагал много еще чем интересным и полезным, обеспечивая комфортное пребывания в этом мире еще при жизни, не было в нем только медпункта, хоть сдохни! Поэтому и пришлось одному крутому жильцу с последнего этажа, какой мог позволить себе только небожитель, вызывать скорую помощь со стороны, как простому смертному. Когда здоровье шалит, то никакой эргономики внутреннего и уж тем более придомового пространства не надо и в помине, вообще ничего не надо уже. И даже если верхний этаж с куском крыши в твоём полном распоряжении, вертолет все равно на нее не посадишь, да и какой к черту вертолет, когда они теперь через день падают с неба, правда пока только в водоемы, но и до крыш ведь недалеко. Хватит, на кукурузнике уже налетался, чуть не взорвали! В кои-то веки собрался с чумой отдохнуть от накипевшего, везде бардак. Ничто больше не радовало приболевшего, включая и то, что ни одна из внешних стен его жилища не соприкасалась с помещениями других собственников. Вчера еще радовала гробовая тишина в квартирке, а сегодня хоть сдохни, взывая о помощи, ни одной заразе больше не нужен. Как и не радовали больше многочисленные унитазы с ночной подсветкой и успокаивающей мелодией для души. Ни что больше не радовало владельца всей этой роскоши, как только он осознал, что в гробу никакой тебе подсветки с успокаивающими мелодиями в принципе не понадобится. Закапают на третий же день на одной из человеческих помоек и это в лучшем случае, а в худшем, страшно даже представить, любимые родственнички его просто сожгут, а прах спустят в один из его же золотых унитазов, чем все и закончится. Все его труды, надежды и победы смоемся какой-то струей воды из унитазного бочка. Все можно купить за деньги в этом мире, но только не последнюю волю гадкой родни после своей смерти, которые как захотят, так и поступят. И даже если он им отпишет все свое состояние, все равно быть ему смытым струей воды в унитазе вместе с чьими-то испражнениями, в чем он даже не сомневался. Что еще можно ожидать от жены, которая спит и видит его в гробу в белых тапочках. Еще и с дерьмом своим смешает его прах, прежде чем смыть. И как, скажите, ему в таком виде, обоср... обделанному с ног до головы, появляться потом перед всевышним? И все после того как он силой переселил ее со всем выводком (тремя таксами и еще двумя песиками злющей породы) в двухкомнатную хрущевку. Нет, не так... После того, как он предоставил ей благоустроенную квартиру в доме под снос, чтоб получила вскоре современные хоромы. И его за это в унитаз, за всю его доброту.

А все началось как всегда с ерунды, не поделили территорию, его коты не прились по вкусу ее собакам. Своих-то детей у них не было, Бог не дал, вот и занялись на старости лет разведением живности. Сначала решили разводить крутых котов, а потом жена решила еще и песиками заняться. Он был против, но разве с ним в этих стенах когда-нибудь считались, хоть он и был основным добытчиком. Собственно с этого несчастья, все и началось, когда один из ее гадких псов загрыз его самого любимого котика. Жену он хоть и отселил, но все еще не терял надежды и на мирный исход всего дела, все же столько лет вместе. И дернул же черт заняться этим животноводством, одних котов в квартире насчитывалось уже около две-

надцати, а еще столько же кошек. Котят он давно уже просто топил, чтобы уж окончательно не превращать квартиру в зверинец. Короче, здоровье расшаталось совсем, вот родственники и посоветовали ему свое здоровьице на отдыхе поправить с длинноногой девицей, расшатанное проклятым кризисом. Свалить на несколько деньков, другими словами, пока другие займутся его проблемами, которых у старичка накопилось с целый воз и еще маленькая тележку. Ожидались гости из Америки, к встрече с которыми он был, мягко говоря, немного не готов. Вот и придумал устроить себе отсрочку неприятного разговора, сославшись на здоровье. А его племянник за это время как раз и должен был все разрулить самым наилучшим образом, пока бы он там с этой овцой пузо грел на солнышке. Тот и «разрулил», спалив дорогуший кабриолет с огромными деньжищами в багажнике, со всей, так сказать, его записочкой на черный день. И все бы хорошо, если бы не проклятое солнце в самом конце августа. Пока ждал вылета, сердечко-то и прихватило. А потом еще и это известие, полученное им прямо в кукурузнике, что его машину разбили, черт бы их всех побрал, всех этих гонщиков на дорогах. Правду говорят, пришла беда, открывай ворота! Вот и он тоже добрался до этих самых ворот. Но и это еще не все, расстроившись из-за машины, он даже забыл спросить про гостью, которая в ней ехала, что стало с ней, но раз никакой информации не поступило, то можно было надеяться, что хоть здесь все было хорошо. Неизвестно, правда, что он под этим «хорошо» подразумевал, но только уже следующий звонок от племянника, полученный этим невезучим гражданином уже дома, развеял все его по этому поводу радужные надежды. А сообщил племянничек своему дядечке следующее, что не только его новая машина превратилась в сгоревший лом, но и иностранная гостья, которую они все так ждали, ехавшая в этой машине, пострадала не меньше самой машины. Более того, она вообще исчезла, так что очень даже хорошо, что он никуда не улетел.

– Как исчезла? – напрягся толстяк всем своим мягким телом, хватаясь за сердце и быстро моргая своими мелкими глазками.

– Вот так, дорогой дядечка, – вздохнул в трубке племянник, – машина сгорела, а гостья испарилась. Обшарили все кусты в округе, пусто. Инопланетяне сперли, не иначе...

– Что ты несешь?! – вскричал лысый толстячок с серебряными завиточками над ушками – Что ты мне лапшу на уши вешаешь, щенок, какие еще инопланетяне? Решил на бабки меня развести, ты же знаешь, что в этой иностранке наше все, без нее мы ведь по миру пойдем.

– А я здесь причем? – возмутился племянник. – Никто ее за руль силой не саживал, цепями к рулю не прикручивал, сама уселась. Баба с воза, коню легче.

– Урод, – задыхаясь от гнева, выдал из себя растерянный человек, – тебе всего-то и надо было, что встретить ее на уровне, она ведь весь наш воз тянула.

– Мы и встретили, в один только транспорт сколько вбухали, чтобы не упасть мордой в грязь. Самую лучшую тачку ей предоставили из гаража, чтобы она в больнице немного дней повалялась, а мы за это время утрясли бы все наши делишки. У меня почти на мази уже все было с нашими объедками, извиняюсь, с объектами. Я договорился с одной компанией, что мы развесим на их стройплощадках наши рекламные баннеры и порядок, можно показывать. Не хватило всего парочки дней, чтобы все срослось. Я виноват, что она уселась за руль?

– Ты специально взял самую дорогую, – дядечка совсем уже не находил себе места, – чтобы меня угробить.

– Дядя, не лови на слове, «шестисотый» не завелся. И чего ты так расстроился, все равно хотел ее этой своей овце подарить, переживет, ничего с ней не станется.

– Ты меня понял, я тебя самого харей в грязь, если к утру ты мне еще и американку не найдешь. Не забудь и про деньги.

– Про какие еще...

– Про такие, что в багажнике вместе с машиной сгорели, запомятовал?

– Я думал, вы прикололись.

– И для тебя это будет самым дорогим моим приколом. И почему она сама оказалась за рулем, где был водитель?

– Хрен его знает, где он был, коленки ей целовал, наверное, вот и влетели.

– Антон тоже пропал? Он деньги и увел! И американку стащил...

– Дядечка, вам нельзя волноваться. Найдем обязательно, не могла же она и в самом деле сквозь землю провалиться. Антон в реанимации, зря вы про него так, может еще и выкарабкается.

– И если даже так, то я его сам закопаю... Начинай с моргов, – приказал дядя, – потом прозвони все клиники и пункты по травмам в Москве и области. Американка нам нужна живой, а не дохлой, понял меня? Я спрашиваю, понял или нет, что без нее ты сам уже труп?

– С ней ли, без нее ли... – племянник даже не стал скрывать своего скептицизма, она и так прикроет весь бизнес здесь, как только врубится, что мы тут уже наработали без нее.

– Ладно, трупа нет, уже хорошо, – постарался успокоить сам себя несчастный, а тендер на строительство небоскреба выиграем и снова будем в шоколаде. Правда, чтобы туда влезть, надо внести сразу двадцатку...

– Откуда у нас такие деньги?

– Для начала хватило бы и полутора миллионов, – вздохнул он, – чтобы зацепиться, так что еще несколько дней у тебя есть, чтобы спасти ситуацию. Я вот их только для того в новую машину и спрятал, чтобы ты их спалил. Послушай, а эта американка, – лысую голову бизнесмена поразила вдруг странная мысль, – не могла ли она специально испариться с этими деньгами?

– Черт ее знает, – пожал плечами племянник, – сам уже об этом думаю. Только зачем ей это, когда она уже в наш совместный бизнес вбухала гораздо больше.

– Ага, – вздохнул дядя печально, – думай...

И все бы ничего, он даже стал уже даже подумывать, что может, все и к лучшему, что она исчезла, просили приезжать ее так не вовремя, когда у всех кризис. Полгодика еще бы побыла в своей Америке и все, глядишь, наладилось бы. Кто ж виноват, что один мэр утратил доверие, а с новым диалог так и не наладился. Может племянник сам американку и убрал, мелькнула страшная мысль в его голове, чтобы не допустить до ревизии? И что он еще там придумал, чтобы выправить ситуацию, уж не убрать ли теперь и его само? Мелкие капельки пота смочили его лысину. Что ж, вздохнул тяжело вспотевший в одну секунду человек, с волками жить, по-волчьи выть. Он еще посмотреть, кто кого... Все завязано на нем, племянничек то нигде подписей своих не ставил, нигде наследить не успел, а связями уже обзавелся и денег прикопил, откроет свое дельце и вперед. Сейчас его уберет и снова на коне, да еще и во главе всего дела!

Такие вот мысли роились в голове несчастного, что в переводе с греческого означало лишь одно – сомнение. Птенец вырос и оперился, можно было ждать теперь от него всего чего угодно. Хотелось бы, конечно, чтобы все было не так, но на всякий случай решил все же ушки держать на макушке. Тертый был калач, опытный, иначе и не стал бы миллионером. Но доконало дядечку в этот душный вечер все же не это, не это якобы предательство того, кого из грязи сам же в князи и вывел, а мелочь – исчезновение самого любимого кота, в котором он души не чаял. Может быть, и это тоже его рук дело, сначала убрал американку, стащил деньги и теперь добрался до кота, почему бы и нет? Племянник знал, на какие кнопки давить, чтобы сломать сердце пожилого человека. Не вышло с машиной, не свалило с ног известие об исчезновении иностранки, так он решил пропажей любимого животного его заморить. Несчастный все хоромы на четвереньках излазил, стирая коленки, в поисках пропажи, кот будто испарился. Может и его тоже инопланетяне сперли для своих опытов за компанию с американкой? Какие только мысли не лезли в голову. Или сучка-жена приходила в его отсутствие и сперла котика, решил он. Снюхалась с племянничком, тварь. Хотел же замки сто раз поменять после разъезда, в очередной раз пожалел он, так все дела, чтоб их!.. Представил себе, как эта жирная дрянь

сейчас пытается его ненаглядного котика и тут уж рука сама потянулась к телефону за «скорой», не в его солидном возрасте было переживать уже такие стрессы. Назвал адрес, предупредил, что дверь открыта и тут же потерял сознание. Хотел еще жене звякнуть, чтоб высказать той все, что о ней думает, не успел. И удивительное дело, уже через две минуты врачи были на месте, просто проезжали мимо, когда получили вызов, им осталось только остановиться и бегом направиться на помощь к любителю животных.

– О, Боже, – простонала врачиха, входя в квартиру, прикрывая нос носовым платком, – что за вонь?

– Товарищ уже разложился, – усмехнулся ее коллега, пытаясь по запаху определить направление, куда двигаться дальше, – мы как всегда опоздали.

– Это коты, – пояснил консьерж из подъезда, решивший попристутствовать на всякий случай, чтобы врачи чего ненароком не сперли по ходу дела у одинокого больного, с которым у него сложились почти дружеские отношения. Знает он этих врачей, сейчас воры кем только не прикидываются.

– Коты? – удивилась врачиха.

– Да, – кивнул охранник, – у него их штук сорок, если не больше. Были и собаки еще, но тех он вышвырнул на улицу вместе с женой.

– Добрый дядечка, – заметила женщина, проходя с чемоданчиком в комнату и сгибаясь над неподвижным телом, почти сползшим уже с кресла.

– Котов любит, – поддакнул коллега, почти приготовивший уже дефибрилятор сердца, – будем спасать, подохнут же без хозяина твари.

Сердце больного ожило при первом же разряде, от одной только мысли о готовящемся злодействе и принялось стучать дальше. Больного уложили на носилки и отправились с ним вниз. Спускать полуживое тело вниз помогал водитель, в обязанности которого входило еще и это. И каково же было их всеобщее удивление, когда они, спустившись, не обнаружили на месте своего транспорта. Угнали реанимацию! Больше за эту ночь ничего интересного не произошло. Потушили стеклянный небоскреб в Москва-Сити и залили пеной вспыхнувший прямо в аэропорту самолет. Тот самый, на который некоторым мест не хватило. Светало.

5

Спалось плохо, просыпалось же еще хуже. Просыпаться по звонку – удел обреченных на вечную трудовую повинность, и только свободный человек может позволить себе роскошь встречаться с действительностью лишь тогда, когда ему этого действительно хочется. Открывший глаза человек не был свободным, разлепив с трудом припухшие веки, прислушался, телефон больше не звонил. Он перевернулся на бок и, укрывшись с головой подальше от света, попытался снова заснуть. Утро еще только вступало в свои законные права, и первые лучи света робко прокладывали себе путь сквозь щели в неплотно задвинутых шторах, впрочем, как и первые звуки просыпающегося города через чуть приоткрытое окно. Обычно в это время люди особенно чувствительны к теплу своих постелей и мягкости подушек, не был исключением и этот, встретивший это утро совсем не там, где собирался. Человек стащил с лица одеяло и вяло осмотрелся. Сквозь полумрак стали угадываться родные стены, так что приходиться в себя пришлось не очень-то и долго, свою квартиру вряд ли спутаешь с номером в курортном пятизвездочном отеле. И как бы его квартирка ни была шикарно обставлена, и на какие городские дали ее окна не выходили, шума морского прибоя из окон все равно, сколько не прислушивайся, было не слышно. Зато гудели автомобили, отравляя все и вся вокруг своим шумом, выхлопом и своей бесконечной и бессмысленной суетой. Раскалывалась голова, но только не от водки, а от выкуренных в неимоверном количестве сигарет. Вот тебе и бросил в отпуске курить, усмехнулся он, потирая пальцами седые виски. С трудом поднявшись и свесив ноги на пол, он уперся взглядом в забитую окурками пепельницу и начатую бутылку минералки. Почти пустая пачка мятого «Парламента» валялась рядом. Снятая одежда смятым комом валялась на полу, поддерживая видимость бардака, что хозяина вовсе не трогало. Думать вообще ни о чем не хотелось. Хотелось пить, вот он и потянулся к теплой бутылке, чтобы сделать пару глотков и закурить. Последнее было лишним, поэтому прикуренная сигарета уже после первой же затяжки оказалась сломанной в пепельнице, а сам он снова в лежачем положении с больной головой на подушке. Утро начал с уборки, вместо зарядки, так сказать, просто надо же было что-то делать, вот он делом и занялся. И это вместо того, чтобы любоваться океаном из окна островного отеля и впитывать в себе морские виды и прочее великолепие райского места. «Бычки» на полу тоже ничего себе смотрятся, постарался он успокоить себя. Другим еще хуже... Кому «другим», он уточнять не стал, но это и так было ясно – всем остальным! Через двадцать минут трудов, выключив пылесос и оглядевшись, он без всякого удовольствия констатировал, что теперь в квартире порядок: угловой диван сложен, хрустальная пепельница на стеклянной поверхности журнального столика, трубка телефона на базе, а разбросанная одежда в шкафу. Смахнув напоследок пыль с плоского экрана телевизора, он направился в ванную принять холодный душ, чтобы вернуть себе силы окончательно. Резкие струи впились в кожу, массируя и обжигая ее, а в тело и в самом деле стали возвращаться силы. В тело – силы, а в голову хоть какая-то ясность. Доведя себя под холодной струей почти до кондиции, он понял, что требуемый результат хотя бы какой-то видимости бодрости достигнут, и он почти уже готов к боевым действиям. Знать бы еще, против кого воевать, усмехнулся Погорел. Вот же наградили предки фамилией, которая пошла, судя по всему, от самого первого в их роду погорельца. Вадим Сергеевич Погорел, следуя логике, был последним из рода неудачников. Он вообще был последним в роду по мужской линии, что и радовало. Все несчастья семьи на нем и должны были закончиться. Хотел еще побриться, но свежий шрам на левой щеке не позволил этого сделать. Первый и вполне заслуженный в нынешних реалиях. А не лезь на рожон, тогда и по голове бить никто не будет. Внимательно рассмотрев рану в мокрое зеркало, мужчина пришел к выводу, что с этой стороны опасность ему не грозит, не скорпион цапнул. И даже чему-то про себя усмехнулся, что даже для собственного

отражения в зеркале так и осталось тайной. Усмехнулся своей невезучести, наверное. Накинул махровый халат – подарок любимой на день мужиков, и прошлепал мокрыми следами на кухню, где заварил чай и включил телевизор, чтобы посмотреть новости или еще какой другой треп ухоженных бабенок с телеэкрана. Смазливая дикторша вещала о последних событиях с авиационной выставки в Жуковском. Транслировали разноцветное шоу истребителей из группы «Стрижи», командира которых все же оправдали. Разлетающиеся в разные стороны самолеты, тянущиеся за ними сине-бело-красные шлейфа дыма, толпы зрителей между самолетами на земле и фигуры высшего пилотажа вверх... Мужчина усмехнулся. Позавчера он тоже был там, поддавшись на рекламу. Понравилось. Один разок и ему тоже довелось управлять самолетиком Як-52, позволили подержаться за рычаг, торчащий из пола, почувствовать себя маленькой рыбкой в большом аквариуме, но на этом вся его любовь к пилотированию и закончилась. Рожденный ползать, летать не может и этот «пилот» был как раз из этих. Любил когда-то прыжки с парашютом, особенно затяжные, но со временем и эта любовь тоже прошла, когда прямо на глазах у него один такой «сокол» камнем вошел в землю с нераскрытым. Возраст и респектабельность, осторожность брала свое. На другом канале пожилой седой мужик и молодая мокрая девица изображали под звуки какой-то музыки любовную пару на море. Он сухо пел, она мокро изображала. Звучала песенка столетней давности: «Ах, карнавал, удивительный мир, где перемешан Париж и Каир, запах жасмина и горький миндаль, жаль мы не встретились раньше, как жаль...» Он смахнул со стола сигареты, вышел на балкон и закурил. Волгоградский проспект был почти пуст, что и удивляло, обычно в это время пробка уже растягивалась до Кузьминок и дальше до Текстильщиков, откуда только и начиналось движение. С высоты тринадцатого этажа дорога смахивала на муравьиную тропу, а сами машинки на муравьев, подчиняющихся не только своей воле, но и какой-то неведомой силе извне, которая всем, собственно, в этом мире и руководила. Муравей только думает, что он свободен, а на самом же деле он не более свободен, чем раб на галерах. Он курил и смотрел вниз, стараясь подсознательно понять, чью чужую волю сейчас выполняет лично он? Шел первый день отпуска, но вместо океанского берега, который еще в два часа ночи был более чем реален, сегодня он имел только головную боль и свой балкон с видом на доставший своим вечным гулом проспект, а его подруга и вовсе – нервный срыв с пустым номером на двоих в отеле. Подбивала не лететь его, а сама улетела, сокрушался Погорел. А он остался, который от полета даже и не думал отказываться. И после этого говорить о справедливости?! И все попытки до нее дозвониться заканчивались одним, что абонент выключен или находится в зоне не доступа сети, что и бесило. Вот тебе и вся любовь, улетела и забыла, отключила «мобильник» и теперь радуется там без него райской жизни. Или злится, что он не полетел, поэтому и телефон отключила. Или роуминг не подключился, успокаивал он себя. МТС может всякое, ему друзья рассказывали, что так две недели в Испании без связи и просидели. Хорошо, что теперь интернет есть, только так и общались. В любом случае, волноваться было еще рано, подождет до обеда и постарается снова с ней связаться, а не выйдет, так отправит гневное послание по электронке. Найдется, никуда не денется. Ей там все равно лучше, чем ему здесь. Однозначно! Докурив почти до пальцев, он все же решил созвониться с турагентством, где заказывал путевки, чтобы узнать хоть номер номера в отеле, где она остановилась – все лучше, чем ждать у моря погоды, пока та сама не объявится. С ее характером звонка можно было и вовсе не дожидаться!

Натянув потертые джинсы и черную футболку, сунув в карман мобильник, он полез в шкаф и извлек из кармана пиджака бумажник, чтобы взять деньги на предстоящие расходы. Брать оказалось нечего. Пять тысяч долларов, не считая двух сотен, спрятанных в другое отделение, корова как языком слизала. Вывернув в пиджаке все карманы, но так ничего стоящего в них и не найдя, он в сердцах швырнул его на пол, а сам прислонился к шкафу спиной и постарался успокоиться, считая от десяти до одного, представляя себе пропавшие

деньги все еще в своем бумажнике. Картинка вышла еще та, никакая картинка, если честно, на которую только и осталось, что наложить мелодию кузнечика с коленками назад, чтобы снова зажить весело и счастливо. Не вышло! И считать до пяти тысяч тоже не хотелось, все бы таким вот способом себе деньги и возвращали. Конечно, сумма была крупная, но в любом случае – не конец света. Мужчина прошелся по комнате, захотелось выпить, открыл бар, достал из него начатую бутылку коньяку, уселся в кресло и налил себе рюмку. После третьей жечь сразу же как-то стало веселей. Не виски на берегу океана, но тоже ничего. Включил музыку и задумался. Тем более что ему и в самом деле было о чем подумать, особенно, что касалось прошедшей ночи. Кира как в воду глядела со своими книжными предсказаниями. Ночные события снова отчетливо встали перед глазами. Он вдруг увидел себя как бы со стороны выбирающимся из-под какого-то перевернутого грузовика и взбирающимся вверх по склону кювета. Две машины светом фар освещали обочину дороги, а мерцающие красно-синие блики от включенных мигалок – все остальное прилегающее пространство вокруг, придавая всему какой-то даже киношный вид. Блики выхватывали из темноты своим красно-голубым мерцанием силуэты нескольких человек, ожидающих наверху того, кого сюда привезли и еще груды железа внизу из трех машин: завалившейся на бок фуры, подмятого под нее «БМВ» и обгоревшего остова еще какой-то легковушки. Все это дополнял мрачный силуэт корявого, мрачно распи-нающего темноту своими кривыми ветками, черного обгоревшего дерева, и устойчивый запах гари вперемешку со спиртными парами от разбитой водки, витающий вокруг, какой была под завязку и была набита фура. Двое из поджидавших явно были работниками полиции, судя по форме, а остальные, скорее всего, владельцы грузовика и сгоревшей машины. По предположению якобы виновника всей этой трагедии, а уж кем они были на самом деле... Впрочем, ему до этого вообще не было никакого дела.

– Убедились, что это ваш автомобиль там валяется? – пробасил хмуро один из них, недовольный вообще, что ему приходится тратить на все эти никому не нужные протокольные мероприятия, когда и так все ясно, драгоценное время своего сна.

Погорел пожал плечами:

– Номер мой, а вот все остальное, в этом я сильно сомневаюсь.

– Узнать в этой грудке металлолома машину трудно, – согласился майор, – но все же можно, при определенной фантазии.

– Я сомневаюсь, а он летит...

– Что?

– Как, спрашиваю, мой автомобиль здесь оказался? – спросил Погорел, пока все еще туго соображая, что вообще происходит.

– Он спрашивает... – усмехнулся служивый, протягивая тому какую-то официальную бумажку, чтобы тот расписался. – Подписка о невыезде, – пояснил он, – и молитесь чудо, чтобы правда оказалась на вашей стороне, иначе 9 лет вам точно обеспечено за езду в пьяном виде. Один пострадавший уже присмерти в больнице, другой, скорее всего, тоже, покинувший место аварии в состоянии аффекта. Соккрытие с места преступления, пьяная езда...

– Ты про этого исчезнувшего, что в состоянии аффекта?

– Не понял? – уставился на него полицейский.

– Да так... – усмехнулся Погорел. – Я к этой аварии никакого отношения не имею, с дневного времени суток здесь, весь аэропорт в свидетелях, а авария произошла уже ночью, насколько я понял, так что зря только время потратили на мои поиски. Вопрос можно, как вы на меня вышли?

– По документам в машине на отпуск, копиям билетов на рейс, валяющимся на сидении...

– Ничего подобного я в машине не оставлял.

– Суд разберется, – заметил со знанием дела полицейский.

– Если доживет, столько людэй без водка оставил, шакал! – резкий возглас негодования слева и сразу же за этим резкий удар в челюсть справа. Кувыркаться в кювет было просто, ведь *все мы живем для того, чтобы сдохнуть*, вот по пути в ту свою новую действительность, скорее всего он щеку и расцарапал.

Тринадцатый этаж, Волгоградский проспект, дом номер... Мужчина достал из пачки новую сигарету и стал ее сосредоточенно разминать, пытаясь найти ответ на самый главный вопрос, почему именно он вляпался в это откровенное дер... в эту историю? И чем дольше он ее разминал, тем меньше что-либо вообще во всем этом понимал. Так и не закурив, он поднялся с кресла, на ходу захватил со столика ключи от квартиры и вышел. Деньги были в бумажнике, вспоминал он, спускаясь по лестнице. Бумажник он отдал Кире, которая в свою очередь засунула бумажник в свою сумку. Перед самой посадкой он бумажник вернул на родину. И вот такое, неужели это она стащила деньги? Не укладывалось в голове. До ближайшей остановки идти было метров двести, не больше, поэтому уже через десять минут он ехал в автобусе и собирался через одну выходить, чтобы дальше пешком добраться до платной парковки автомобилей, где и оставил не так давно на хранение своей новенький авто. Знакомый охранник на КПП доброжелательно его поприветствовал, не получив, правда, такого же доброжелательства в ответ. Погорел сердито проследовал мимо того, не удостоив того даже взглядом, направляясь быстрым шагом к своей машине. Точнее, к тому пустому месту, где та должна была находиться. Была слабая надежда на лучшее, что с его тачки просто сняли номер, чтобы перецепить его на другую машину, но чуда не произошло! Приобретенный всего месяц назад новенький BMW X6 отсутствовал. Зато он точно знал теперь место, где он присутствовал.

– А чего вы не на колесах, Вадим Сергеевич? – услышал он хриловатый басок подходящего сзади доброжелательного, с сигаретой в зубах, охранника.

– А то ты не знаешь? – уставился на него владелец отсутствующей машины, чувствуя, что закипает как тот электрический чайник. – Это я тебя должен спросить, сонная твоя морда, где моя машина, кретин?

– Так это...

Погорел двумя руками схватил охранника за ворот фирменной куртки и с такой силой двинул того спиной о ближайший джип, припаркованный рядом с пустующим местом от его машины, что у того даже сработала сигнализация. Не у охранника, у джипа, чтоб его... На что взбешенный владелец угнанной тачки даже не обратил внимания. Сдерживаемая до последнего момента ярость в одном зверском порыве и выплеснулась на подвернувшегося под руку бедолагу.

– Он меня спрашивает, где моя тачка, урод... – орал уже во всю разбушевавшийся владелец угнанной машины. – Ты понятие хоть имеешь, сколько она стоит? Тебе и твоим внукам придется жить вечно, чтобы теперь со мной рассчитаться. Ты...

На шум стали собираться зрители, в основном владельцы других машин, оказавшиеся поблизости, да парочка таджиков из персонала стоянки, с интересом наблюдающих, чем же все это закончится, не предпринимая ни каких действий во спасение своего коллеги по дежурству. Теперь все осторожные, влезешь, так еще же сам и окажешься виноватым! Охранник что-то хрипел в оправдание, но Погорел его не слышал, продолжая лупить спиной об визжащий в истерике автомобиль, матерясь на чем свет стоит. Хрип бедняги напоминал уже больше воронье карканье, чем даже человеческий хрип. Лицо его с вытаращенными глазами же уже так налилось кровью, что еще немного, и Погорел точно бы его задушил. И неизвестно, чем бы все эти разборки закончились, если бы не подоспевший на помощь запыхавшийся напарник несчастного. Недолго думая, он со всего маху заехал резиновой дубинкой душившего по спине и, схватив того сзади за волосы, с силой рванул голову хулигана на себя. И тут же смутяня получил еще и второй удар в челюсть, но уже от того, кого душил, вдохнувшего глоток свободы

и тут же удачно воспользовавшегося этим благоприятным обстоятельством. За первым ударом последовал второй, третий и четвертый... После удара в живот его связали и потом передали дежурному наряду полиции, вызванному по случаю.

6

В полиции избитого хулигана продержали до вечера. Какое-то время ушло на выяснение личности и составления протокола. Документов у задержанного не оказалось, бумажник с паспортом остался ведь дома на столе, что и усложнило работу полицейских, предусмотрительно отказавшихся от взлома чужой квартиры без соответствующего прокурорского разрешения, куда они даже и не собирались. Сверились с данными по стоянке, где тот парковал свою машину и успокоились. Успокоились и забыли... Смешно конечно, но именно так задержанный и думал, пребывая в обезьяннике, других причин для столь долго его пребывания в этих «звериных» местах просто не находилось. Его забыли. Если конечно ему уже не шили дело за разбойное нападение, чуть не закончившееся убийством одного из охранников. Забыли, но не все. Спасение явилось в виде представительного очкарика в деловом костюме с золотыми «ролеками» на правом запястье. И хотя как правило являются только черти да и то исключительно больным белой горячкой, чертями здесь даже не пахло. Пахло деньгами, солидностью ми еще фиг знает чем, – успехом, наверное. Мечтающие дожить до пенсии золотые котлы не носят, считают копейки в своих дырявых карманах. Очки на носу у явившегося тоже были золотыми, что окончательно и взбесило дежурного офицера, который взятки не брал и тянул честно свою лямку обычного трудяги, которого все уже достало так, что и в самом деле – дожить бы скорей до пенсии, не дай боже, и ментам планку поднимут, как всем остальным уже подняли. Ведь выше перекладыны подняли со свисающей с нее петли, не хочешь, называется, не живи. Жить после ночной пьянки дежурному и в самом деле сейчас не очень хотелось. Хотелось водки...

– Я вас слушаю, гражданин, – уставился офицер на вошедшего, чувствуя, что уже закипает от всей своей доброты, рассматривая поддельное золотишко на чужом запястье, – по какому вопросу пожаловали?

– Да есть, офицер, тут у тебя один чувак, – улыбнулся тип в золотых очках, – Пого-релом кличут, выпускай негодника. Профсоюз драчунов берет на себя всю ответственность за его кастрацию, чтобы он больше не позорил доброе имя законопослушного гражданина. Не можешь не бить, не бей... Короче, офицер, отпуская задержанного, он вас в плен больше брать не будет.

– Зря время потратили, уважаемый, – дежурного чуть не вывернуло от такой наглости последнего. – Этот еще не скоро освободится. Нападение на охранника, сопротивление органам власти, приходите годика через три, а лучше через все четыре. Вернем в лучшем виде. Ваша фамилия?

– Очкарин, а какое это имеет отношение к задержанному?

– У нас все имеет отношение, – произнес многозначительно дежурный, – даже цвет трусов подозреваемого.

– И в чем его подозревают по цвету трусов, позвольте узнать?

– В разбойном нападении на охраняемый объект с целью завладения...

– ... несвежими трусами последнего, понятно.

Дальше слушать визитер не стал слушать весь этот бред служивого, протянул дежурному в окошко сложенный листок и стал наблюдать за его реакцией. Сотрудник развернул листок, прочел, что там написано, встал и с кислой миной куда-то вышел, унося с собой запах потерттого кителя и засаленных ментовских брюк. Вернулся минут через тридцать и принялся что-то строчить в своем журнале, не обращая вообще никого внимания на застывшего в терпеливом ожидании посетителя. Потом, как бы между делом, не отрывая взгляда от своих бумаг, буркнул, что все в порядке, но без начальства все равно не может, не имеет права освободить задержанного. Придется подождать до завтра, когда появится товарищ подполковник, и только после прямого распоряжения последнего уже...

– Тогда я к твоему полковнику сам пройду, – усмехнулся товарищ, – чтобы он распорядился отпустить задержанного. Не возражаешь? Хотя нет, пусть лучше ему сам министр и позвонит, если тебе этой писульки недостаточно.

И с этими словами он извлек из кармана мобильный телефон и принялся набирать того *самого министра*, кто и должен был все исправить. Телефонное право, оно ведь и в ментовке телефонное право – действует безотказно фактически на каждого мента. Подействовало и на этого, офицер снова со злым видом встал и вышел, вернувшись уже гораздо быстрее, чем в первый раз своего важного отсутствия. И даже не один, что очень даже порадовало посетителя. Следом за ним плелся тот самый тип с разбитой рожей, за которым сюда и пожаловали, и которому уже даже шнурки вернули, чтобы больше ни в чем себе не отказывал. Еще ему вернули мелочь из карманов, зажигалку и сигареты, заставили расписаться в каком-то журнале и... выпихнули на волю. Дело о разбойном нападении на охраняемую стоянку *было закрыто*. Спаситель вышел на улицу и закурил, вдыхая всей грудью вместе с дымом и воздух улицы, дожидаясь пока спасенный им бедолага где надо распишется и снова окажется на свободе с перекошенной рожей, разбитой губой и шрамом на небритой щеке, с еще

– Чего приперся? – освободившийся протянул вяло руку для приветствия.

– Не делай людям добра, не получишь зла. Сам же звонил, – удивился товарищ.

– Я не звонил.

– Я сам себе позвонил и сообщил твоим голосом, где ты пребываешь.

– Да-а? – удивился недавний арестант. – С Канар звонок был, я вообще-то сейчас там, насколько тебе известно. – Немного подумал и добавил, что загорает на пляже.

– Молодец, – Очкарин пожал наконец протянутую руку, – что я могу еще сказать. У богатых свои причуды, каждый отрывается по-своему. Пляжному прозябанию предпочитаешь будоражащий суррогат местного разлива?

– Потом расскажу, – Погорел достал сигареты и тоже закурил. – Расскажи лучше, как тебе удалось меня так быстро вытащить?

– Позвонил кому надо наверх, тот еще кому-то еще выше, откуда звонок спустился вниз, и ты свободен. Все просто, если знаешь комбинацию цифр телефона.

– Мутно как-то все, – заметил Погорел, – ну да ладно, потом разберемся. Денег до полочки не одолжишь? Тачка в кредит, потратился на отпуск, совсем на мели оказался. Мне бы тысяч тридцать или сорок рубликов на расходы.

– Понимаю, – ответил Очкарин, протягивая пять тысяч рублей одной купюрой. – Остальные могу только вечером после работы, буду в районе Тверской, давай там и пересечемся у Пушкина.

– Я с цветами приду, – кивнул Погорел, – чтоб ни у кого вообще сомнений не осталось в наших дальнейших намерениях.

– Кретин, – рассмеялся товарищ, – так ресторан называется, который больше всего иностранцы любят в нашем городе.

– Я знаю другое место, – предложил Погорел. – У Гончаровой...

– Издеваешься?

– Записывай адрес.

Очкарин записывать не стал, запомнил, после чего так задал свой вопрос:

– Бабки кончились, морда разбита, документов нет, ментовка, блин, – дом родной... Что случилось, ты мне можешь сказать, не за пьяный, надеюсь, дебош на самолете, слава Панина покоя не дает?

– Принесешь деньги, коллега, тогда и узнаешь, – усмехнулся Погорел, легонько подтачивая того в спину в направлении черного «Мерседеса». – Вали... Да, о птичках, еще... Надеюсь, на работе ты еще никому не разнес в клювике, что я здесь?

– Обижает, начальник.

- На обиженных ездят.
- На тебе поедешь, как же...

В восемь вечера Погорел ждал коллегу в небольшом, но уютном ресторанчике в самом центре Москвы в районе Тверской, где все было очень дорого и сердито. Не отказывая себе ни в чем, называется, и даже когда в кармане три рубля, все равно живи по крупному. Затягивают мелочи, они как пиявки на теле, как та суета, которая снует. И даже когда не прет, вот только как во все это въехать, когда все по большому счету именно из мелочей и состоит? И зачастую очень неприятных мелочей, если не сказать конкретнее.... Коллега опаздывал, Погорел заказал бокал пива, сухариков и попросил принести пепельницу. С куревом не вышло, в ресторане уже не курили, закон о борьбе с курением вошел уже в силу, но зато без проблем можно было хрустеть сухариками, что и радовало. Он любил похрустеть под спокойную музыку. Еще пару часов назад совершенно безнадежная ситуация таковой ему уже не казалась. Распечатав пачку сигарет, он извлек из нее одну и, чиркнув привычно колесиком зажигалки, с наслаждением сделал первую затяжку, здраво рассудив, что, если даже нельзя, то ему все равно уже можно. Но не тут-то было, тут же возле столика появилась административная дама со строгим лицом и вежливо попросила его прекратить никотиновое безобразие. Можно было конечно взять за грудки и эту, чтобы и из нее тоже все спесь вытрясти, но, памятуя недавний печальный опыт на стоянке, Погорел тут же отказался от этой мысли. Он извинился, и отправил сигарету в бокал с пивом, попросив принести на замену другой. Окурок немного пошипел, злясь на такую несправедливость, и погас, приказав долго жить. Злая тетка исчезла, и он снова оказался предоставленным самому себе. Вспомнилось вдруг, как они с Кирой попали сюда минувшей зимой. И даже столик, за которым он сейчас находился, кажется, был тот же самый. Иногда так бывает, что случайности совпадают. И не удивительно, ведь после этого они довольно часто сюда наведывались, скорее всего, именно поэтому он и сейчас приехал именно сюда.

Кира тогда сидела напротив и смеялась во все горло какой-то его глупой шутке или плоскому анекдоту. Мягкий свет от двух горящих свечей, стоящих на столе, выхватывал из темноты светлым пятном ее красивое лицо. Глаза ее уже светились коньячным огнем после первой стопочки, а розовые щеки все еще румянились от мороза. Снежинки на волосах уже растаяли, придавая им естественный блеск и удивительную красоту, а замерзшие на морозе пальцы с перламутровыми ногтями грелись в его ладонях. Середина февраля – не самый, надо заметить, майский месяц для уличных прогулок. Правда, они и не гуляли, собирались в кино, но застряли в пробке. В Москве так иногда бывает, что можно застрять на пару часиков, жизнь от этого короче не становится. Ругаясь про себя, что поперся в центр по Волгоградке, он то и дело поглядывал на часы, надеясь все же успеть в кино, и все равно опоздал. На проспекте велись какие-то ремонтные работы, не прекращающиеся даже ночью. Прожекторы освещали площадку и копошащихся на ней в трудовом энтузиазме рабочих таджиков в ярко-красных жилетках, благоустраивающих Москву всеми правдами и неправдами, как бы та не сопротивлялась. Но каждому свое, как говорится... До «Пушкинского» можно было добраться и на метро, тогда бы точно не опоздали. Только надо было добраться еще до самого метро, а вот это сделать, стоя в пробке, было уже гораздо сложнее. Сделать это можно было только пешком, бросив машину в каком-нибудь закоулке, куда еще тоже надо было свернуть. Но даже и пешком они уже не успевали. Тогда он достал из кармана куртки телефон и, набрав номер кинотеатра, представившись самим Жириновским, потребовал отложить начало киносеанса до утра, а зрители пусть пока немного поспят, в карты поиграют на худой конец, пока он не подъедет! Естественно, его вежливо послали, заявив почти дикторским голосом, что даже для такого уважаемого человека это сделать невозможно. А он, что тоже вполне естественно, ничего другого и не ожидал услышать от этих бюрократов от искусства. Кира еле сдерживалась, пока он разыгрывал комедию, и тут же рассмеялась во весь голос, как только он отключил трубку.

Ее заразительный смех передался и ему, что и спасло вечер от неминуемого краха. А потом он привлек ее к себе, и они стали целоваться. И оторвать его от этих губ смогли только уже нервные сигналы стоящих за их машиной автомобилей, которым все еще, в отличие от некоторых, было куда-то надо. Машина, что двигалась впереди уже уехала, дорога была свободной, рванул с места и их джип, оставляя позади себя белое облако выхлопа, брызги грязи из-под колес, да еще два билета на ненужный никому уже в этой машине киносеанс. Вот так они тогда и оказались в этом ресторанчике! Добравшись через полчаса до центра, они оставили внедорожник в одном из узких переулков города и отправились пешком бродить по заснеженной Москве, пока и не набрали на этот вот ресторанчик с приличной кухней, где и продолжили свой замечательный вечер. Пили коньяк, слушали музыку и танцевали. Он прижимал ее к себе, нашептывая на ушко всякие непристойности, типа, как он ее хочет, что никакого кино больше не надо, а она только слушала и чуть заметно всей этой чепухе улыбалась. Хочет он... Все бы так и хотели. Иногда их взгляды встречались, и тогда в ее кошачьих глазах он мог видеть свое отражение, чувствуя, что тонет в них, причем без всякой надежды вернуться обратно. Ему так хотелось приручить эту кошку, но с каждым днем он все больше убеждался, что выходит все как раз наоборот – приручался он, а она все так же и продолжала оставаться неприступной незнакомкой, как и месяц назад, когда они только еще познакомились. Все той же – себе на уме кошкой – в любой момент готовой слопать свою мышку. Теперь он думал о ней постоянно, ловя себя на мысли даже на работе, что вместо того, чтобы разбираться в юридических тонкостях очередного договора, сидит и смотрит на дверь кабинета, представляя, как она сейчас в нее войдет. И не надо будет ждать вечера, когда они снова встретятся и пойдут в кино, билеты на которое он приобрел заранее. И пошли, но не попали, но зато оказались здесь, в этом чудном ресторанчике, где и завили. Он смотрел на нее, она на него, *иногда их взгляды встречались*.

Мужчина открыл глаза и увидел перед собой пустое место. Сердце защемило в нехорошем предчувствии. Дымила бы в руке сигарета, затянулся бы, а так даже и послать было некого. Выругавшись про себя и послав, куда подальше ту, которая так и не дала ему сделать вторую затяжку, он резко поднялся и, пройдя быстро небольшой зал, вышел на улицу, где и закурил. В голову ударил дым и свежий воздух улицы одновременно, если конечно можно было обозвать таким замечательным словом грязный воздух в самом центре столицы. Глубоко затянувшись, он задержал дыхание и постарался не дышать как можно дольше, чтобы никотин внутри вообще отравил все клетки, а смешанный с ним кислород превратил организм в бомбу замедленного действия, которая и взорвется, как только он отыщет угонщиков своей машины. Держитесь, сволочи! Но это уже завтра, когда он эту сволоту найдет, а сегодня... А сегодня он просто хочет напиться и ни о чем больше не жалеть. *Никогда не плачь по тому, что никогда не заплачет по тебе*. Он и не собирался плакать, тем более по какому-то железу на четырех колесах. Слезы сами капали в подставленный стакан, смешивались в нем с водкой и отправлялись по назначению, через пару часов готовые уже снова излиться из организма со струей мочи, пополнив собой нескончаемые канализационные потоки мегаполиса, где и терялись, унося с собой в помойную долину весь негатив из организма. Говорят, что именно поэтому женщины дольше и живут, что больше плачут. Мужикам хуже, они все в себе до самого инсульта. И если бы не водка, единственный напиток, выводящий весь негатив из организма, то мужики жили бы и того меньше. Что ж, теперь будет ездить в метро, решил он, так и не выдавив из себя ни одной слезинки. Как все нормальные люди ездят, а через месяц-другой купит себе новую тачку в кредит, может и не такую крутую, но которую обязательно сразу же застрахует от всех угонов и прочих недостатков. Кира так и не объявилась: мобильный телефон ее по-прежнему не отвечал, а сама она не звонила. Неужели так психанула в самолете, недоумевал он, что послала его на все четыре? Получалось именно так! А ведь он почти собирался на ней жениться. Идиот! Жениться на истеричке, верящей во всякую чушь, чтобы всю жизнь потом

мучиться?! Обжигался ведь уже в молодости, упрекнул себя Погорел, и снова за старое. Сплюнув в сердцах себе под ноги, он поспешил вернуться в уютную прохладу зала, но не тут-то было. Его внимание неожиданно привлек беленький, совсем как у него когда-то, автомобильчик, заезжающий на парковку.

– Нравится? – усмехнулся чернобородый владелец белой тачки, одетый в белый же пижонский костюмчик.

– Не космический корабль, но тоже ничего – уклончиво ответил Погорел, одетый во все черное, в свой обычный деловой костюм за две штуки баксов, купленный в Германии, рассматривая дорогие золотые часы на запястье незнакомца. Все как будто помешались на этих побрякушках. Сам он носил обычные швейцарские, подаренные ему одним американцем, и нисколько не заморачивался по данному поводу. Стоило одному авторитету когда-то произнести, что крутизна каждого прыща на ровном месте определяется исключительно только дороговизной часов и фирменным блеском обуви, как тут же и понеслось. При золотых «котлах» на запястье любое рванье на коленках в глазах окружающих сразу же приобретали ценность христовых обносков. Время такое, когда и попы золотыми часами уж не брезговали. Впрочем, эти никогда себе в роскоши и не отказывали. Один раз ведь живут, какая служба в обносках. Был, правда, один поношенный чудака в древности, прогнавший торгашей из храма, так его бы и сегодня прогнали, вздумай он снова появиться. Может, поэтому и не появляется, что просто нет никакого желания два раза на одни и те же грабли?

– Вы это о чем? – спросил незнакомец, – космический корабль рядом не лежал с этим аппаратом. Извините, а я вас нигде раньше не видел?

– Вряд ли... – отозвался нехотя Погорел. Еще вчера и он тоже мечтал о таком же вот светленьком костюмчике, а уже сегодня... Жизнь изменчива и особенно в большом городе, где гадость может приключиться когда угодно, с кем угодно и на каком угодно, блин, мосту, хоть даже с видом на Кремль.

– Точно видел! – воскликнул более чем успешный человек экстра-класса, уверенно держащего жизнь за рога. – В казино в Минске, зуб даю. Пару месяцев назад. Вы еще с такой броской дамой были. Прилично, помнится, выиграли, а я как всегда чуть-чуть прилично проиграл. Вспомнили?

– Нет, не вспомнил, – отрезал Погорел. У него тачку угнали, сделали соучастником преступления, Кира потерялась на Канарах – улетела и пропала, а здесь еще этот со своим казино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.